

54
3567

Э.КВИРИНГ

В
ЗАЩИТУ

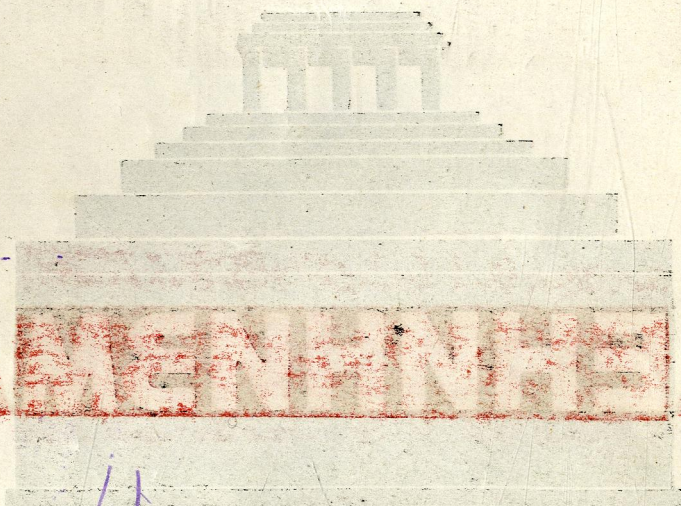

И-ВО
ПРОЛЕТАРИЙ.

Д-КВНПНН

В

СВЕТЛА

АКЦИОНЕР

ИПОВЕТАПНН
N-80

06
10

~~31000~~

33.55 к (081) 9171

Э. КВИРИНГ

В ЗАЩИТУ ЛЕНИНИЗМА

4515

(171)

211

~~31000~~

Св. сп. книг. Ц. ССР - 1966
Св. сп. Ц. ССР - 1973. 7. 11

2

Львів. Бібл.
А. Д. УРСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ“
1 9 2 5

ЗК62

103/217-60,03 +

961(2)21.23 - 416.21

Типо-Цинкография
Кооперативного Издательства
„Пролетарий“

~~3707.~~

Львівська бібліотека
АН УРСР
№ 47908

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 2857

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпускаемая книжка составлена из нескольких статей и речей, с которыми я выступал в течение настоящего года против попыток ревизии ленинизма.

XIII съезд партии признал, что оппозиция была проявлением мелко-буржуазного уклона от ленинизма. Поэтому борьба с оппозицией была вместе с тем борьбой за ленинизм. Но теоретическое содержание этой борьбы затенялось ожесточенным боем за очень конкретную задачу—завоевания руководящих органов в порядке перетряхивания старых кадров.

Ревизия организационных принципов ленинизма очень удачно маскировалась сокрушительной критикой действительно имевших место перегибов аппаратчины. На фоне тяжелого экономического положения атаки на руководящие центры имели весьма конкретный характер.

Поэтому могло казаться, что, потерпев в дискуссии решительное поражение, оппозиция изживет себя. Но это могло бы быть лишь в том случае, если бы оппозиция (вернее, узкий кадр вождей оппозиции) стояла на почве ленинизма, а разногласия имели место по частному вопросу. К сожалению, положение было иное и на это достаточно часто указывалось уже в период дискуссии.

Столкнулись два течения: ленинистское и троцкистское, которое, как показала действительность, не растворилось без остатка в ленинизме, как это могло казаться.

Характерными отличиями троцкизма является сочетание неустойчивой революционной фразы (по определению Ленина: троцкизм пустышка) и весьма устойчивого оппортунизма в организационных вопросах. Эти отличия были характерными и для взглядов оппозиции в прошлом году,—почему было ясно, что прошлогоднее поражение оппозиции не означало ее полного растворения.

Было ясно, что борьба пойдет иными путями и что оппозиция, по всей вероятности, выберет путь позиционной войны, путь теоретических подкопов под ленинизм.

Так оно и получилось.

Уже на Всеукраинской партконференции в апреле 1924 г. я имел возможность выступать против попыток теоретического подкопа под ленинизм. Касаясь выступлений Радека и Преображенского по поводу Ленина, я называл эти выступления ревизионистскими.

Тогда же я указывал, что ревизия Ленина будет производиться очень осторожно, исподволь (иногда, может быть, бессознательно), понемножечку, подглаживая и перекрашивая Ленина. Очень удачную статью о том, как постепенно развивалась ревизия марксизма, написал тов. Раввич-Черкасский („Коммунист“ № 93, 23/IV—24 г.).

Он показал, как соратники и друзья Маркса и Энгельса (Бернштейн, Фольмар и др.), оставаясь на словах верными своим учителям, на деле извратили в корне все учение Маркса и Энгельса.

Мы видим, что ревизия ленинизма идет тем же путем.

Нельзя называть себя „коммунистом“, большевиком и опровергать Ленина без всяких оговорок.

Поэтому Ленина начинают извращать, как извратили Маркса и Энгельса.

Тов. Рязанов, один из лучших знатоков Маркса и Энгельса, на XIII съезде партии и в статье, напечатанной в сборнике „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса“, книга I-я, рассказал эпизод, как ЦК Германской с.-д. партии сперва (по цензурным соображениям) „исправил“ введение Энгельса к „Классовой борьбе“ Маркса, выкинув из него революционные места, а затем в течение десятилетий германские ревизионисты, опираясь на это искаженное произведение Энгельса, доказывали, что на склоне лет Энгельс высказывался против вооруженного восстания.

Только теперь, когда тов. Рязанов раскопал архив Маркса и Энгельса, удалось найти подлинную рукопись Энгельса и документально доказать ловкость рук германских ревизионистов.

В настоящей дискуссии мы имеем попытку тов. Троцкого извратить отношение Ленина к восстанию, основываясь на личных воспоминаниях о встречах и разговорах с Лениным.

При наличии документов, доказывающих обратное, эти воспоминания не имеют никакой цены, но вред от них не меньший, чем от Бернштейновских извращений Маркса.

Под'итоживая ряд выступлений Троцкого, Преображенского и др., мы можем сказать: теоретическая ревизия ленинизма началась—поэтому партия должна быть во всеоружии для отпаривания ревизионистских наскоков ретивых литераторов.

Громадный интерес, проявленный широкой партийной массой к разгоревшейся литературной дискуссии с тов. Троцким, показывает совершенно законный интерес к вопросам теории ленинизма.

При этом показателем роста большевистской сознательности является стремление к углубленному изучению ленинизма, для самостраховки от уклонов. Особенно это характерно для учащейся молодежи, которая в прошлом году в значительной массе кинулась за цветистыми огнями троцкистской фразы, пока не наткнулась на бессодержательность, на пустоту.

Идя навстречу этому стремлению широких партийных масс понять сущность развивающейся дискуссии,—мы решили под общим заголовком „В защиту ленинизма“ издать несколько статей и докладов, посвященных боям за ленинизм.

В эту книжку мы включаем:

1) Отрывок из доклада на Всеукраинской конференции (апрель 24 года).

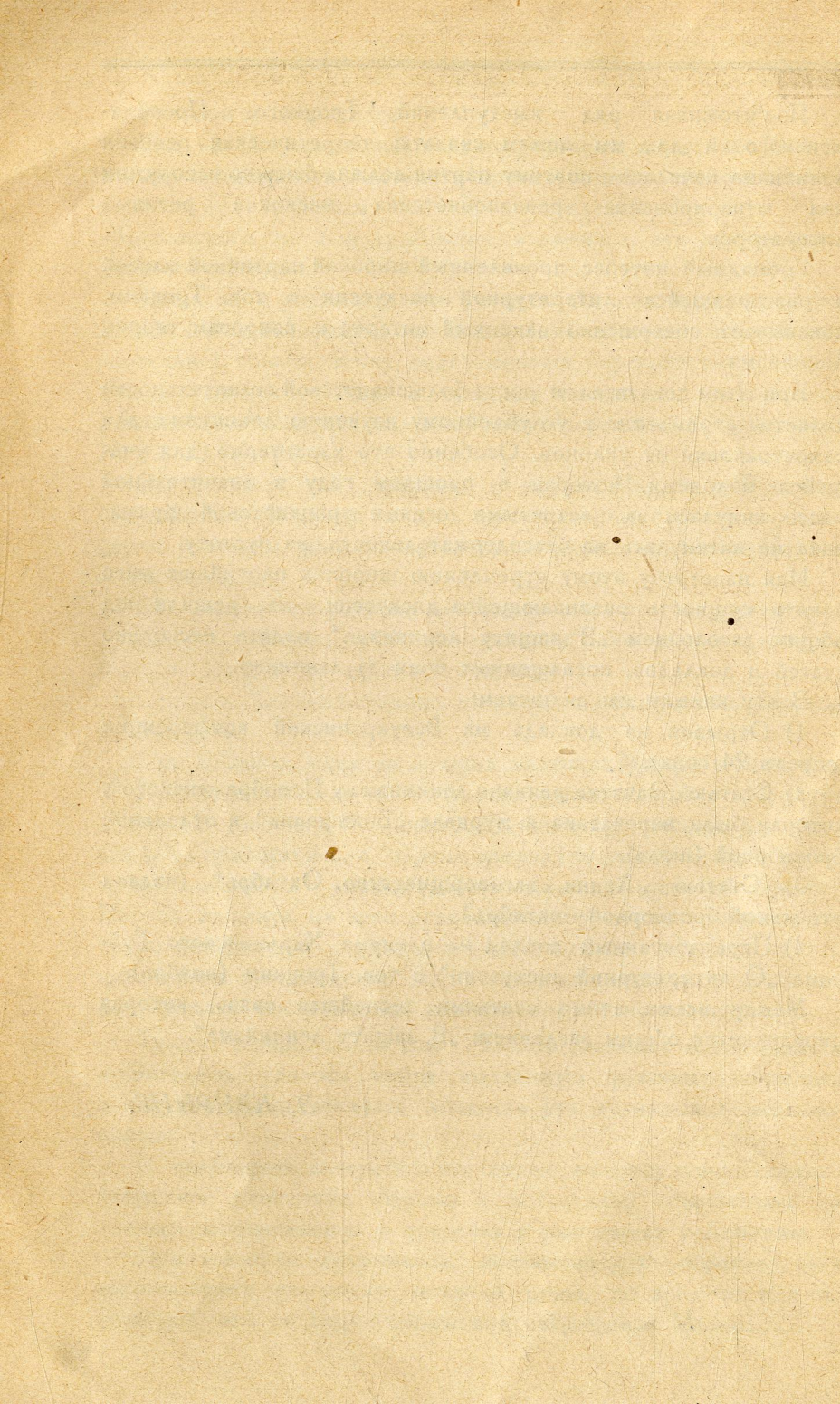
2) Статью „Зачатки ревизии ленинизма у Преображенского“, которая была напечатана в журнале „Большевик“ и отдельной брошюрой (июль).

3) Статью „Ленин, заговорщичество, Октябрь“ (издана отдельной брошюрой—октябрь).

4) Переработанный доклад на пленуме Харьковского Губкома „О литературной дискуссии“ с тов. Троцким (ноябрь).

Между всеми этими статьями теснейшая связь, которая определяется общим заглавием: „В защиту ленинизма“.

Э. КВИРИНГ.

ПЕРВЫЕ БОИ ЗА ЛЕНИНИЗМ.

Из политического отчета ЦК КПбУ на Всеукраинской партконференции в апреле 1924 г.

Основным вопросом внутри партийного положения являются вопросы дискуссии, но я думаю, что сейчас мы к этим вопросам в полном объеме можем не возвращаться, ибо они партии достаточно известны. Партии известна позиция, которую занимает ЦК, к тому же эта позиция обсуждалась на всех губернских партконференциях и всеми партконференциями одобрена. Поэтому я постараюсь остановиться только на тех перспективах, которые для партии из этой дискуссии вытекают. Сейчас, когда мы от дискуссии несколько отошли, нам особенно очевидны ошибки, видно, как оппозиция переусердствовала, сколько она наговорила лишнего. Все это мы должны учесть для направления нашей дальнейшей политики, в предвидении тех новых опасностей, перед которыми стоит партия. А эти опасности, несомненно, есть.

XIII Всесоюзная партконференция уже зафиксировала, что линия оппозиции, в общем, являлась мелко-буржуазным уклоном от ленинизма. Этот мелко-буржуазный уклон проявлялся, в первую очередь, в организационном вопросе. Уже этот уклон, а затем некоторые дальнейшие выступления и статьи отдельных представителей бывшей оппозиции заставляют нас думать о том, что мы находимся накануне больших боев за ленинизм. На самом деле, сейчас вся партия, как никогда, занята вопросами ленинизма, мы именно теперь ставим этот вопрос, как вопрос боевой, чтобы партия сохранила партийную ленинскую политику. Поэтому мы должны с особенным вниманием и осторожностью подходить ко всему, что хотя бы в малой степени указывает на неблагополучие. Положение тем более сложно, что в нашей партии старых большевиков слишком

недостаточно, что наша партия, по своему партийному возрасту, очень молода, и что, к тому же, мы вливаем в наши ряды сотни тысяч новых рабочих, которые историю партии или совсем не знают, или знают очень поверхностно, которые изучили лишь практику нашей работы в течение революции, но которые не знают всех основ, принципиальных основ ленинизма и, поэтому, извращения ленинизма очень возможны. Это, в особенности, видно было во время дискуссии, когда со стороны оппозиции был проявлен явный организационный уклон от ленинизма.

Мы видели, что значительная часть нашей молодежи увлеклась пышными фразами о новом курсе и демократии и думала, что здесь открывается новый мир. Но виновата ли наша молодежь, думающая, что говорит языком высокой коммунистической поэзии, в том, что она вторила старым перепевам меньшевистской прозы, ибо позиция т. Троцкого являлась перепевами его меньшевистского уклона, перепевами периода венской „Правды“. Этого наша молодежь не знала и не могла проверить. В чем же тут дело? Ведь, такие рецидивы у нас возможны и в дальнейшем при условии, что в известной группе членов нашей партии имеется старая меньшевистская закваска, которую они не всегда достаточно проверили и от которой они еще не совсем отказались.

С другой стороны, имеется громадная масса членов партии, которые по части истории партии совершенно невинны. В таких условиях возможны всякие уклоны. Возьмите, например, тов. Антонова-Овсеенко. Мы все знаем его, как весьма мужественного революционера. Он является одним из лучших революционеров, одним из лучших боевых коммунистов, но, вместе с тем, во время дискуссии у него сказалась бывшая меньшевистская закваска.

В одном из своих заявлений он говорит, что мы должны помнить не только старые славные большевистские традиции, но и старые большевистские „предрассудки“. А предрассудки—в толковании меньшевиков—это ленинская нетерпимость к соглашательству с соглашателями, ленинская нетерпимость к тем из социалистов, которые идут на соглашение с капиталистами. Вот что бросалось нам, большевикам, как обвинение в нашей нетерпимости, вот что называлось нашими „предрассудками“.

У нас здесь, в Харькове, во время дискуссии, на собрании одной из ячеек, один бывший старый меньшевик и новый молодой член партии выступил с такого рода заявлением: „Товарищи, почему старая гвардия коммунистов к нам, бывшим меньшевикам, так подозрительно относится? Ведь мы—дети одного отца—Маркса и одной матери—Октябрьской революции, с той только разницей, что мы, меньшевики, немножко позже пришли в революцию, чем большевики“.

Вот такое сравнение большевиков и меньшевиков, как детей одного отца и матери, говорит о том, что подобные меньшевики недостаточно проверили свои старые позиции, свой старый меньшевистский багаж, недостаточно переоценили свои старые ценности.

И на самом деле, если меньшевики, вступившие в нашу партию после октября, вынуждены были переоценить свое отношение к революции, к крестьянству, к рабочему классу и к перспективам революции, то в первые годы никто их не заставлял пересматривать свое отношение к организационному вопросу. Поэтому могло случиться, что некоторые меньшевики, даже осознав свои старые ошибки в одной части, могли остаться меньшевиками в организационном вопросе. Таким меньшевикам мы можем сказать, что не всегда родители детям рады.

Если бы Маркс мог посмотреть на то, что делают сейчас германские и иные социал-демократы соглашатели, то, наверное, он от таких „детей“ отказался бы. Ревизия Маркса произведена ими настолько основательно, что совершенно извращен революционный марксизм. Ревизия эта велась очень долго и постепенно. Никто из ревизионистов не говорил сразу, что Маркс никуда не годится, а говорил очень осторожно: „Маркс в таком-то месте немного ошибся, в таком-то месте неясно, надо поправить, приправить, немножечко пригладить“.

Если вы думаете, что ревизия ленинизма пойдет таким путем, что явится какой-нибудь смельчак и скажет: „ленинизм никуда не годится, нужно от него отказаться“, то вы ошибаетесь. Такого смельчака не найдется, потому что таким путем успеха никто не добьется.

Дело пойдет тем же испытанным путем—постепенного сглаживания, приглаживания, уменьшения немножечко роли Ленина для того, чтобы, в конечном счете, придти к соглашательской политике, причем ревизия ленинизма может получить самые различные формы.

Тут иногда мелочи на первых порах играют очень большую роль. Мы видели уже первые стычки предстоящих боев за ленинизм. Любезности, которыми обменялись Радек, Сафаров и Евдокимов, были первыми такими боями, причем очень многим казалось, что Радека обижают, что к нему придираются, что Радек не так плохо сказал. Ну, что сказал Радек? Радек сказал, что Ленин не всегда одинаково относился к меньшевикам, что его взгляды на них развивались постепенно. Конечно, Ленин все то, что он говорил в 14 году, не мог говорить в 96 году. Самое главное в Ленине то, что он большой реалист, охватывает обстановку ближайшего периода, умеет видеть перспективы, но политику партии применяет постоянно к реальным условиям данного момента. Конечно, Ленин был бы утопистом, если бы в 96 г. стал говорить о том, что социальная революция является задачей дня пролетариата. Этого он не мог сказать, но из этого не следует тот вывод, что Ленин в 96 г. был один, а в 1914 году другой.

Ошибка тов. Радека в том и заключалась, что своими статьями он пытался „пригласить“ отношение Ленина к меньшевикам. Сейчас мы видим, что т. Преображенский углубляет Радека; Радек сделал только первые и довольно осторожные шаги к тому, чтобы немного пригласить Ленина. Преображенский подходит к делу несколько с другой стороны, но, в общем и целом, дело сводится к тому, чтобы преуменьшить значение ленинизма, чтобы исторические перспективы ленинизма несколько передвинуть.

Тов. Преображенский говорит о том, что ленинизм, по существу, начался только в 14 году. Я приведу одну выдержку из его статьи, которая была помещена в журнале „Молодая Гвардия“. Он говорит:

„Если бы, к нашему несчастью, тов. Ленин закончил существование до развертывания мировой войны, никому из нас в голову не пришло бы говорить о ленинизме, как о каком-то особом издании марксизма, каким он явился впоследствии. Ленин был наиболее последовательным революционным марксистом, лучше Плеханова понимавшим сущность марксизма, даже тогда, когда Плеханов не скатился еще к оппортунизму. Но ничего специфического в нашем большевизме в области теории (я пока говорю об области теории) по сравнению с традиционным, но действительно революционным марксизмом почти не было“.

Товарищ Преображенский говорит, что именно мировая война поставила задачу создать марксизм новой революционной эпохи и одним из представителей, гениальным представителем этого течения он признает т. Ленина. Я обращаю внимание на эту мелочь, когда т. Преображенский называет Ленина наиболее гениальным представителем ленинизма. Маркса мы называем основоположником марксизма. Преображенский называет Ленина не основоположником, а наиболее гениальным представителем нового издания марксизма—ленинизма. Это, может быть, и мелочь, но мелочь очень характерная, над которой стоит подумать.

Тов. Преображенский в той же статье, правда, останавливается на том, что в области организационного и национального вопросов и в области аграрной в отношении к крестьянству ленинизм принес новое, но он пытается это новое не дооценивать. Он говорит, что [это лишь некоторые намеки на будущее, а настоящий ленинизм начался только с 1914 года. Нужно сказать, что в этом вопросе Преображенский „исправил“ Мартова 1904 года, ибо уже в 1904 году Мартов заявил, что позиция Ленина—это есть ленинизм, т. е. нечто новое. Мартов был противником Ленина, он видел, что Ленин—вождь нового течения, враждебного старым традициям социал демократии, и поэтому еще в 1904 году Мартов восставал против ленинизма, считая ленинизм отступлением от старого марксизма.

Но мы и без Мартова знаем, что не только в организационном вопросе наш большевизм отличался от меньшевизма, не только в этом были наши споры. Разве основным разногласием не было отношение к революции, отношение к тем задачам, которые стоят перед пролетариатом, о его взаимоотношениях с крестьянством и о роли пролетариата и крестьянства в революции?

Для того, чтобы напомнить, что для Владимира Ильича еще в 1902 г., когда он писал знаменитую брошюру „Что делать“, было ясно, что спор идет не только по организационному вопросу, но и по вопросу о перспективах революционного движения, а также, чтобы указать, как Владимир Ильич прекрасно понимал, что наш рабочий класс становится авангардом мирового рабочего движения, я приведу коротенькую выдержку:

„История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи—разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции—сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата“.

Вот для чего нужна была Ленину крепкая партия, вот почему он спорил с меньшевиками относительно организационных форм. Для того, чтобы на основе этих форм организовать такую партию, которая могла бы спаять рабочий класс, могла бы повести его на борьбу с самодержавием, могла бы поставить его авангардом международного рабочего класса. Следовательно, если наш пролетариат—авангард международного рабочего класса, то какая задача может быть у рабочего класса Германии и Франции? Задача социальной революции. Это значит, что Ленин уже тогда революционную перспективу связывал с мировой революцией.

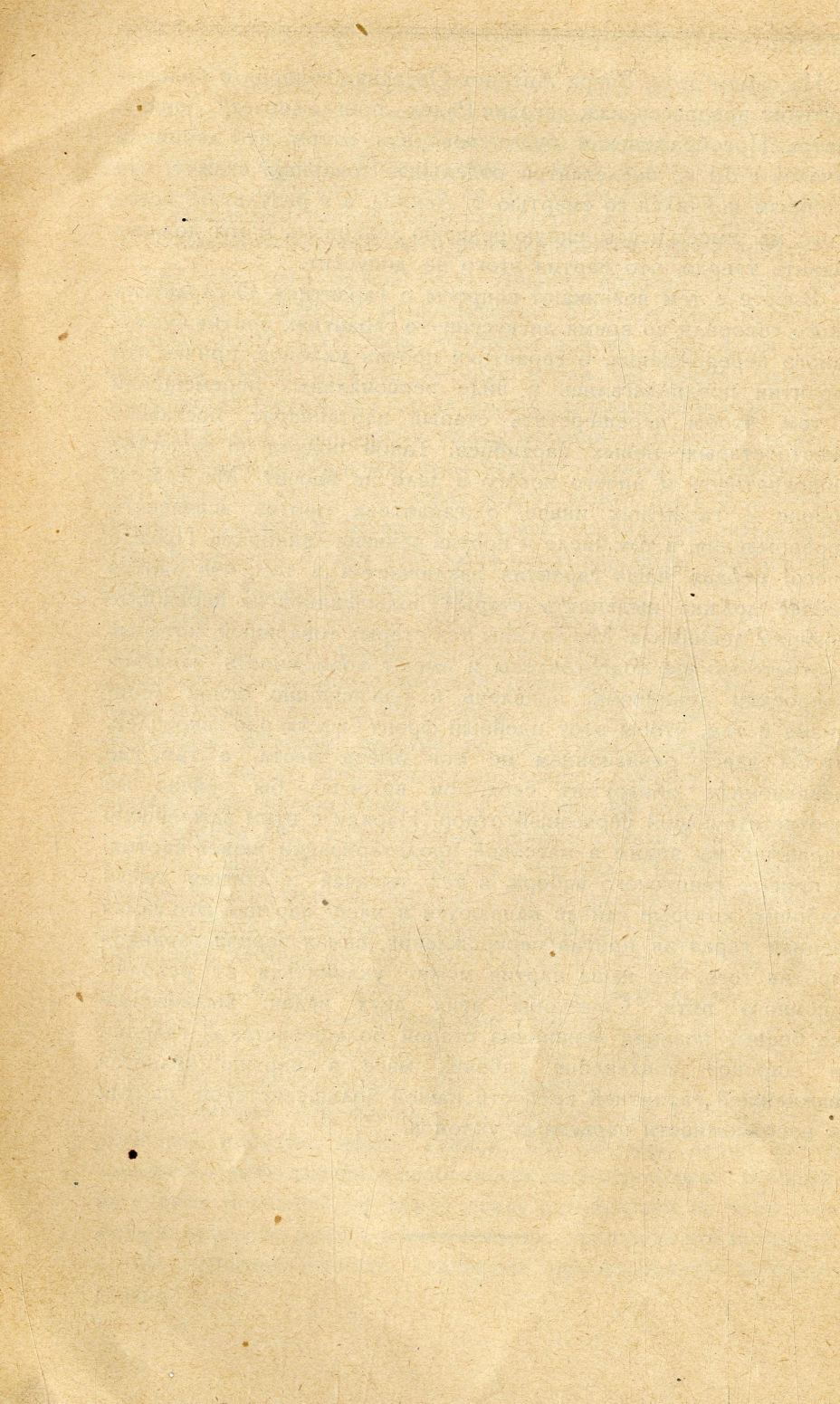
Мировая война внесла новое, она дала основание для того, чтобы перед всем мировым рабочим классом был поставлен в порядок дня вопрос о мировой революции. Товарищ Ленин тогда поставил эту задачу (в этом его заслуга), но эта задача теснейшим образом связана со всей предыдущей работой В. И. Ленина, со всей предыдущей нашей борьбой с оппортунистами, как внутренними, так и западно-европейскими.

Ленинизм 1914 г. теснейшим образом связан с ленинизмом всех предыдущих лет. Поэтому попытка Преображенского разорвать ленинизм, начать его с 14 г., является, несомненно, ревизионистской попыткой, попыткой сузить понятие ленинизма, выбросить из него все то, что было до 1914 г., и в том числе выбросить и вопросы организационного строительства, т. е. как раз то, на чем т. Преображенский споткнулся во время нашей дискуссии. Следовательно, мы должны особенно внимательно отнестись ко всякого рода таким уклонам.

Несомненно, что товарищ Преображенский напутал основательно, напустив много тумана. Мы должны перед всеми новыми членами партии, в особенности перед молодыми, которые, по своему незнанию, не могут сразу разобраться во всем громадном арсенале фактов нашей истории, разобрать эту путаницу, чтобы попытки ревизии ленинизма приостановить в самом начале.

На самом деле. Вчера Антонов-Овсенко говорил о большевистских предрассудках, сегодня Радек „приглаживает“ Ленина, завтра Преображенский будет говорить о том, что ленинизм начался с 14 г., послезавтра отдельные товарищи скажут, что ленинизм кончился со смертью т. Ленина, а в результате всего этого мы имеем несомненную ревизию ленинизма и мы должны заявить твердо, что партия этого не допустит.

Вместе с тем возникают вопросы о гарантиях. О гарантиях много говорили во время дискуссии—о гарантиях против буржуазного перерождения, о гарантиях против уклонов, причем эти гарантии предполагались в виде персональных перемещений с тем, чтобы перешерстить старый партаппарат, поставить вместо старых—новых партийцев. Такой подход по существу бюрократичен и ничего нового в дело не вносит. Мы ставим вопрос о гарантиях иначе, о гарантиях против всяческого перерождения, в том числе и против ревизии ленинизма. Прежде всего, первая наша гарантия заключается в том, что партия сейчас должна выдвинуть старых большевиков на передовые позиции ленинизма. Мы должны тех старых товарищей, которые соответствующе подготовлены и имеют возможность заняться вопросами ленинизма, привлечь к раз'яснению основ ленинизма с тем, чтобы этот идейный фронт был твердо закреплен, чтобы здесь ревизионизм не мог иметь места, а там, где ревизионизм обнаружит себя, он встречал бы сейчас же соответствующий серьезный отпор. Наряду с этим важнейшую гарантию мы видим в массовой пролетаризации нашей партии, в приеме ленинского набора, в тех тысячах и сотнях тысяч рабочих, которые сейчас вливаются в нашу партию. Это самая верная гарантия против перерождения, самая верная гарантия против того, что наша партия может уклониться от революционного пути. Сочетание этих двух задач: выдвижение на боевые позиции ленинизма старой большевистской гвардии и широкое вовлечение рабочих масс в партию является важнейшей гарантией крепости нашей большевистской партии и невозможности серьезных уклонов.

ЗАЧАТКИ РЕВИЗИИ ЛЕНИНИЗМА У ПРЕОБРАЖЕНСКОГО.

I.

О Ленине и ленинизме за последнее время написаны горы книжек, из которых только немногие являются результатом серьезной работы авторов над изучением Ленина. Большинство этих произведений поверхностны, написаны наспех—почему немало грешат и в отношении исторической точности, и в отношении даваемых определений.

Нужно полагать, что здоровая критика поможет исправить целый ряд невольных ошибок авторов, и в ближайшее время на книжном рынке останется лишь наиболее ценное из громадного количества литературы о Ленине и ленинизме.

Но есть ошибки и ошибки.

Одно дело—ошибки невольные, от недостаточного знания вопроса или невнимательности, а другое дело—ошибки, которые приводят к „особой“ оценке ленинизма, которые готовят почву к ревизии ленинизма.

По таким ошибкам надо бить со всей силой, чтобы убить ревизионизм в самом зародыше.

Мы полагаем, что целый ряд таких ошибок допустил т. Преображенский в своих статьях о Ленине, и то обстоятельство, что эти ошибки проходят через несколько его статей, показывает, что они не случайны и что перед нами попытка построения законченной системы взглядов на ленинизм.

Речь идет, прежде всего, об определении самого понятия „ленинизма“ и, вместе с тем, о некоторых частных вопросах.

Что такое ленинизм?

Слово ленинизм вошло в массовый обиход только за последние годы, а потому его определение еще недостаточно общепризнано. Совершенно прав тов. Преображенский (см. о том же Бухарина, Сталина, Сафарова и др.), что ленинизм нельзя противопоставлять марксизму или отрывать от марксизма, как самостоятельное учение.

Ленин—один из лучших марксистов. Марксизм лежит в основе всех его работ.

Но Ленин жил в другую эпоху, в эпоху развернутого империализма, создающего условия для прямых боев за социализм. Соответственно этому Ленин пополнил марксизм и развил его. То новое, что внес Ленин в учение Маркса, и называют ленинизмом.

Тов. Сталин дает следующее определение ленинизма:

„Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем ввиду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру советов.

„Вот почему ленинизм является дальнейшим развитым марксизмом“. *)

Мы полагаем, что это наиболее правильное, законченное и стройное определение, которое до сих пор было дано ленинизму.

Действительно, что характерно для Ленина, для всего большевизма? Что отличало его, начиная от 1903 года, от российской, а позже и от международной социал-демократии? Именно то, что краеугольным камнем большевизма была теория и тактика пролетарской революции вообще и диктатуры пролетариата—в частности.

Все бои большевизма с меньшевизмом коренятся именно в разном подходе к задачам пролетарской революции.

Все характерно-большевистское, что внес В. И. Ленин в теорию и практику революционного движения, и есть ленинизм.

Таким образом, мы подходим к тому, чтобы поставить знак равенства между понятиями большевизм и ленинизм.

*) Сталин, „Ленин и ленинизм“, Изд. „Пролетарий“ 1924., стр. 22—23.

Посмотрим теперь, как определяет ленинизм т. Преображенский.

„Ленинизм—это есть марксизм эпохи пролетарских революций и органического строительства социализма“.*)

Чем это определение отличается от определения т. Сталина? Внешне очень немногим: тов. Преображенский перед словами „эпохи пролетарских революций“ пропустил слова „эпохи империализма“, и этот пропуск приводит его к серьезным ошибкам.

Чтобы понять Преображенского, приводим несколько цитат из его статьи „Марксизм и Ленинизм“:

„Естественно поэтому, что тогда, когда в мировом рабочем движении началась новая полоса, когда мировая война всколыхнула до основания и потрясла все здание капитализма, вместе с процессом революционизирования рабочего класса, разочарованного в войне, должен был возродиться старый, подлинный марксизм...“

„Это второе издание марксизма должно было полностью использовать все то революционное наследство, которое оставили Маркс и Энгельс; оно могло стать тем, чем оно есть, исходя не только из буквы учения Маркса и Энгельса, а прежде всего из революционного духа всего учения, из марксистского метода, примененного к новой эпохе. Гениальным представителем этого нового здания марксизма был тов. Ленин“.**)

Значит, ленинизм, по Преображенскому, рожден „мировой войной“, которая потребовала второго издания марксизма. Более категорически об этом говорит тов. Преображенский дальше:

„В большевизме или ленинизме мы должны строго различать два периода—период, примерно, до мировой войны и период с начала мировой войны. До мировой войны тов. Ленин, хотя и стоял на точке зрения настоящего, подлинного, не искаженного революционного марксизма, но не считал еще социал-демократов агентурой капитала в рядах пролетариата“.

„...Если бы, к нашему несчастью, тов. Ленин закончил существование до начала мировой войны, никому из нас в голову не пришло бы говорить о ленинизме, как о каком-то особом издании марксизма, каким он явился впоследствии“.

„...То, что делает наш революционный марксизм ленинизмом, за исключением организационного и отчасти

*) „Молодая Гвардия“, 1924 г., № 2—3, стр. 216, статья „Марксизм и Ленинизм“.

**) Там же, стр. 217.

аграрного вопросов, мы должны искать не в первой революции, а, примерно, с 1914 года, даты, с которой началась новая эпоха в рабочем движении“.*)

Положения тов. Преображенского яснее ясного: ленинизм начинается с мировой войны—Ленин наиболее гениальный представитель (почему только представитель, а не основоположник?) этого нового издания марксизма.

До 14 г., дескать, никакого ленинизма не было, разве за исключением организационного и аграрного вопросов.

Итак, Преображенский разрывает большевизм на две части, два периода: до 1914 г. и после 1914 г.

На этом изыскания тов. Преображенского не заканчиваются. В другой книжке—„В. И. Ленин“—о тех же двух периодах в развитии гения Ленина он говорит:

„В развитии гения Ленина надо, мне кажется, строго различать два периода. Первый период—до мировой войны 1914 г. и второй период—до его кончины. В первый период дело шло в общем и целом о буржуазно-демократической революции, и талант Ленина мы должны исследовать под углом зрения того, насколько верно он наметил путь и основы междуклассовой **) тактики для пролетариата, вынужденного исторически довести до конца буржуазно-демократический переворот, не только преодолевая сопротивление помещиков и самодержавия, но и проводя его последовательно до конца против воли буржуазии и, отчасти, даже самой буржуазной демократии.

„Во второй период дело шло о переходе буржуазно-демократической революции в социалистическую в обстановке мировой войны и о первых шагах по пути строительства социализма в крестьянской стране“. ***)

Дальше Преображенский договаривается до такого перла: „Это—вторая стадия развития ленинского гения. Этот второй период отнюдь не вытекал логически из первого“.

Последнее утверждение расшифровывает полностью попытку Преображенского разорвать большевизм и потому является наиболее ошибочным и вредным.

По Преображенскому выходит, что между Лениным до 1914 г. и после 1914 г. нет логической связи; что Ленин после 1914 г. не связан всеми корнями с Лениным до 1914 г.

*) „Молодая Гвардия“, 1924. № 2—3, стр. 217.

**) Подчеркнуто мною. Э. К.

***) Преображенский. „В. И. Ленин“ (Социологические наброски). Изд. Красная Новь, М. 1924, стр. 18.

Это значит, что большевизм-ленинизм в 1914 г. делает крутой скачок—отрывается от своих старых корней, находит новую почву и начинает новую жизнь, логически не связанную со всеми боями старого большевизма.

Какой фракционный туман должен застилать глаза автору, чтобы надумать такой способ низведения всего старо-большевистского? Нечего, мол, ленинизмом громохатъ, начинай-ка с 1914 г. Ничего, мол, в старой большевистской гвардии нет отличного от европейских бывших ортодоксов типа Каутского, настоящий ленинизм и настоящие ленинцы выявились лишь в 1914 году.

Невольно возникает вопрос: не для того ли нужно такое разделение большевизма с превращением Ленина в одного из „гениальных представителей“ марксизма второго издания, чтобы облегчить включение в ленинизм бывших противников большевизма, занявших, начиная с 1914 г., близкую к Ленину позицию?

Мы видим, что из как будто незначительной ошибки в определении ленинизма вытекают очень серьезные последствия, которые приводят Преображенского к ревизии ленинизма.

Эпоха пролетарских революций начинается с мировой войны, а эпоха империализма началась значительно раньше. Вот откуда ошибка Преображенского насчет ленинизма 1914 г. и поэтому у него все получается неожиданно, вдруг. Разразилась в 14 г. мировая война—и подай ему новое издание марксизма.

А где же подготовительный период, где подготовленная почва? Разве мировая война разразилась неожиданно, разве не было ясно, что она надвигается с совершенной неизбежностью? Разве социалисты не готовились к ней? Разве система империализма была вскрыта только мировой войной? Разве империализм не оказывал влияния на рабочее движение?

Тов. Сталин говорит: „Ленинизм вырос и оформился в условиях империализма, когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма.*)

*) И. Сталин. „О Ленине и ленинизме“. Изд. „Пролетарий“, 1924, стр. 24.

Преображенский проходит мимо этого подготовительного периода. Поэтому он не понимает, или не хочет понимать, что вся история большевизма с 1903 до 1914 г. не что иное, как рост и оформление ленинизма в условиях империализма и что из этого периода прямо вытекает ленинизм 1914 года, ленинизм эпохи пролетарских революций.

Именно в период до 1914 года заложены основы большевистской крестьянской и национальной политики, являющейся „китами“ всей политики Коминтерна.

Как же можно игнорировать весь этот славный период оформления и укрепления большевизма?

Немаловажную роль играет также вопрос об оформлении Ленина, как вождя большевизма.

И в этом вопросе Преображенский впадает в серьезную ошибку.

Тов. Радек в своей статье „Жизнь и дело Ленина“ приводит следующий разговор с тов. Лениным:

„Ленин ребром поставил вопрос, что, собственно, представляет политика II Интернационала: ошибку или предательство интересов рабочего класса? Я начал ему объяснять, что мы стоим на грани двух эпох: эпохи мирного развития социализма в рамках демократии и эпохи бури и натиска, что дело идет не только о предательстве вождей, но и о позиции масс, которые, не найдя достаточно сил для сопротивления войне, подчинились политике буржуазии, что тяготы этой политики принудят массы порвать с буржуазией и вступить на путь революционной борьбы. Ленин оборвал меня словами: „Это есть историзм, все находить объяснение в смене эпох, но могут ли вожди реформизма, которые еще перед войной систематически вели пролетариат в лагерь буржуазии, которые с момента войны перешли в этот лагерь открыто, могут ли они стать проводниками революционной политики?“ *).

Эта цитата бьет Преображенского не в бровь, а в глаз: могут ли старые вожди реформизма, которые еще перед войной систематически вели пролетариат в лагерь буржуазии, стать вождями революции?

На самом деле, почему Ленин (по Преображенскому) вдруг в 1914 г. становится вождем рабочего класса всего мира?

*) Сборник „На могилу Ленина“. Изд. „Прибой“, Ленинград, 1924 г., стр. 25—26. См. также К. Радек „О Ленине“. Изд. Красная Новь“, Москва, 1924 г., стр. 51—52.

Почему он „вдруг“ в 1914 г. становится „гениальным представителем марксизма второго издания“, логически будто бы не связанного с большевизмом?

Что это за „счастливый случай“, который выдвигает в 1914 г. Ленина на первые позиции пролетарского фронта?

У Преображенского логического ответа на эти вопросы не имеется, кроме того, что:

„Лишь грандиозное сотрясение капиталистического мира, вызванное войной, лишь предчувствие топота пролетарских ног, идущих от окопов империалистической войны к баррикадам войны гражданской, лишь дыхание назревающей классовой битвы, лишь эти события, напирая на мозг Ленина и найдя в нем адекватный отзвук, могли так высоко поднять его над изумленным миром, вызывая проклятия и злобу на одном полюсе, веру, энтузиазм и братскую поддержку на другом“.*)

Легко сказать,—но почему именно на мозг Ленина оказали эти события такое влияние и нашли там отзвук?

Где нити, которые помогли Ленину почувствовать „дыхание назревающей классовой борьбы“ и т. п.?

Почему на мозг Каутского те же события оказали влияние, совершенно противоположное?..

Ответ только один:

Вся революционная работа Ленина шла в направлении подготовки пролетарской революции. На всем протяжении своей деятельности и до 1914 г., и после него, Ленин—вождь пролетарской армии, подготавливающий эту армию к смертным боям за социализм, Ленин к 1914 г. был готовым вождем пролетарской революции. Притом Ленин был этим вождем в стране с наиболее революционной ситуацией.

II.

К своей основной ошибке в определении ленинизма Преображенский подходит, благодаря ряду неправильных предпосылок.

Одной из таких предпосылок является неправильное определение характера буржуазно-демократической революции 1905 г. и подхода к этому В. И. Ленина.

Преображенский говорит:

„Наша революция 1905 года не отличалась принципиально от других буржуазных революций“**), и поэтому всю работу

*) Преображенский. „В. И. Ленин“, стр. 27.

**) „Молодая Гвардия“, № 2—3, стр. 217.

большевизма до 14 г. он сводит к работе в пользу буржуазно-демократической революции. И только.

В этом утверждении есть часть правды, но только часть, по существу же—оно ошибочно и порождает новые ошибки.

Спрашивается: если бы русская революция (1905 г.) кончилась победой последовательной рабоче-крестьянской демократии с революционным рабоче-крестьянским правительством так, как предполагали большевики, могла бы такая революция ограничиться национально-государственными рамками и закрепить господство капитала на долгие годы, соответственно буржуазно-демократическим революциям, скажем, революции 48 года?

Ведь, типичная „буржуазно - демократическая“ революция ограничена национально - государственными рамками, и Преображенский, как бы в подтверждение этого, не раз подчеркивает, что до 1914 г. Ленин был руководителем только российского движения.

Чтобы показать всю ошибочность утверждений Преображенского, посмотрим, как представлял себе Ленин перспективы русской буржуазно-демократической революции.

Берем ряд выдержек из произведений Ленина разных периодов:

В 1894 году: „Когда передовые представители его (пролетариата. Э. К.) усвоят идеи научного социализма, идеи об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну в сознательную классовую борьбу, тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции“ („Что такое друзья народа“. Изд. „Моск. Раб., 1923, стр. 172).

В 1902 году: „История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции, сделало бы

русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата.*) И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного знания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше, в тысячу раз более широкое и глубокое, движение такой же беззаветной решимостью и энергией". („Что делать?". ГИЗ., Москва, 1922 г., стр. 43—44).

В 1905 г.: „Нам удастся добиться того, чтобы русская революция была бы не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предрежащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся — тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам,—„как это делается“; тогда революционный под'ем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий,*) тогда... но мы успеем еще не раз поговорить о том, что мы сделаем „тогда“, поговорить не из проклятого женеvского далека, а перед тысячными собраниями рабочих Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских „мужиков“ (Собр. соч., Гос. Изд., 1922 г., том VI, стр. 129, статья „С.-Д. и временное революционное правительство“).

„И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отменяя от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других, внося классовую определенность и сознательность в головокружительный вихрь событий, идя неуклонно и смело вперед, не страшась революционно-демократической диктатуры, а страстно желая ее, борясь за республику и полную республиканскую свободу, за серьезные экономические реформы, чтобы создать себе действительно широкую и действительно достойную XX века арену борьбы за социализм“*) (Ленин. Собр. соч., т. VI, стр. 133. Та же статья).

*) Подчеркнуто мною. Э. К.

В 1907 г.: „Либо разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев соответствующей старой „надстройки“, преобладающая роль пролетариата и крестьянской массы при нейтрализации неустойчивой или контр-революционной буржуазии; наиболее быстрое и свободное развитие производительных сил на капиталистической основе при наилучшем, какое только мыслимо вообще в обстановке товарного производства, положении рабочей и крестьянской массы;—отсюда создание наиболее благоприятных условий для дальнейшего осуществления рабочим классом его настоящей и коренной задачи социалистического переустройства“. *) (Предисловие к „Развитию капитализма в России“. Собр. соч. ГИЗ, 1923 г., т. III, стр. 11).

В 1918 году: „Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала вместе со „всеми“ крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической. Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом“. („Пролетарская революция и ренегат Каутский“. Собр. соч., т. XV, стр. 508—509).

Что говорят все эти выдержки из произведений Ленина, количество которых можно было бы во много раз увеличить?

Прежде всего они подтверждают, что Ленин никогда не рассматривал русскую революцию изолированно, как революцию, ограниченную национальными рамками.

Для Ленина было ясно, что вырвать из империалистической системы „самый могучий оплот европейской и азиатской реакции“,—это значит поколебать все здание империализма, это значит „зажечь революционный пожар в Европе“.

*) Подчеркнуто мною. Э. К.

Как же можно, оставаясь в пределах ленинизма, утверждать, что „революция 1905 года не отличалась принципиально от других буржуазных революций?“

Отличалась и очень. Во-первых, тем, что она могла победить только как революция „рабоче-крестьянская“, а во-вторых, тем, что она неизбежно дала бы толчок к пролетарской революции в Европе.

Могла ли бы в таких условиях укрепиться на долгие годы в России буржуазная демократия, на подобие буржуазных демократий Европы?

Ленин не устает повторять, что последовательная буржуазная демократия нужна лишь, как „достойная XX века арена борьбы за социализм“.

Не случайно Ленин в 1917 году, отстаивая в партии свои апрельские тезисы, напоминает, что еще в „Двух тактиках“ (1905) он писал:

„У революционно-демократической диктатуры пролетариата есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм“. *) (Собр. соч., т. VI, стр. 359. „Две тактики“).

Значит, борьба за социализм не откладывается с установлением революционного правительства рабочих и крестьян. Значит, нет китайской стены между буржуазно-демократической и пролетарской революцией — ибо такое разобщение есть „величайшее извращение марксизма“.

Можно ли после всего этого говорить, что до 1914 года у Ленина „дело шло только о буржуазно-демократической революции“ **) — и только?

Дело шло прежде всего о свержении царского режима и о довершении до конца буржуазно-демократической революции. Но Ленин никогда не скатывался до пошленького поклонения демократии, он всегда помнил и напоминал другим, что буржуазно-демократическая революция есть лишь этап к революции пролетарской. И Ленину было ясно, что развертывание пролетарской революции лучше всего обеспечивается тем, что пролетариат будет стоять во главе буржуазно-демократической революции.

*) Подчеркнуто мною. Э. К.

**) „Молодая Гвардия“. № 2—3, стр. 222.

Не скатываемся ли мы тем самым к теории перманентной революции?

На это дал ответ т. Сталин.

Он говорит, что ленинский подход к революции тем отличается от подхода „перманентников“, что последние, в порядке революционной фразы, думали прямо начать с власти пролетариата, тогда как Ленин предлагал увенчать дело переходом власти к пролетариату.

Ленин, учитывая роль крестьянства, помнил, что сперва со всем крестьянством против помещиков и царизма, а потом уже с беднейшим крестьянством против капитала, перманентники же перескакивали через крестьянство.

Революция развивалась „по Ленину“, разрешив тем самым спор.

III.

Вместе с перманентниками тов. Преображенский не дооценивает в ленинизме крестьянского вопроса.

Между тем, кому же неизвестно, что крестьянская политика—один из китов большевизма, и не с 1914 г., а с революции 1905 года и до настоящих дней.

„Ничего специфического в нашем большевизме в области теории (я пока говорю об области теории) по сравнению с традиционным, но действительно революционным марксизмом почти не было“ *) (до 1914 г.)—говорит тов. Преображенский.

Очень смело.

Послушаем по этому поводу тов. Зиновьева.

„Что нового сказал большевизм в области политической идеологии? Какие новые пути открыл большевизм для международного социализма? В чем заключается открытие, сделанное В. И. Лениным? Если бы мы должны были ответить на этот вопрос в нескольких словах, мы сказали бы:

1. Большевизм первый в истории мировой классовой борьбы принял всерьез идею гегемонии пролетариата, поставив на практические рельсы то, что Маркс и Энгельс провидели лишь теоретически.

2. Именно потому, что большевизм поставил вопрос о диктатуре пролетариата, как практический вопрос дня, он первый в истории международного социализма стал искать союзника для пролетариата.

3. И здесь главная заслуга большевизма—он нашел этого союзника в лице крестьянства.

*) „Молодая Гвардия“, № 2—3, стр. 217.

4. В этом смысле можно сказать, что большевизм „открыл“ роль крестьянства,*) как той силы, при завоевании которой на свою сторону только и становится возможным для пролетариата сыграть свою великую освободительную роль в мировой революции“. (Г. Зиновьев, сочинения, т. I, стр. 6.)

Правильно ли это утверждение?—Безусловно. Именно большевики с 1905 г. правильно оценили роль крестьянства в революции буржуазной, а затем и пролетарской. Что более специфическое нужно, чтобы убедить т. Преображенского?

О характере крестьянской политики в последние годы едва ли приходится говорить. О союзе рабочих и крестьян знает последний комсомолец. Но нужно поставить другой вопрос, а именно: можно ли нашу теперешнюю политику в отношении крестьянства оторвать от той же политики в 1905 году?

Не вытекает ли непосредственно идея союза рабочих и беднейших крестьян в социалистической революции из идеи союза рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции?

Почему именно Ленин выдвинул вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством?

Почему меньшевики так воевали против этого лозунга?

Блестящий ответ на этот вопрос дает тов. Сталин:

„В этом смысле крестьянский вопрос является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата и, как таковой, представляет один из самых животрепещущих вопросов ленинизма.

„Равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу со стороны партий II Интернационала объясняется не только особыми условиями развития на Западе,—оно объясняется прежде всего тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти, а кто боится революции, кто не хочет вести пролетариат к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции, для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, не актуальным“. (И. Сталин „О Ленине и ленинизме“, Изд. „Пролетарий“, стр. 77).

В этом сущность всего вопроса: отрицание союза рабочих и крестьян есть „оборотная сторона отрицания диктатуры пролетариата“, и, наоборот, Ленину нужна была теория союза рабочих и крестьян, потому что он всерьез ставил вопрос

*) Подчеркнуто мною. Э. К.

о диктатуре пролетариата, и потому он по-новому разрешил вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства и разрешил его до 1914 года. Как же тов. Преображенский мог это упустить, разрывая ленинизм на части?

IV.

Возьмем дальше нашу национальную политику. Тов. Преображенский сам говорит, что „в национальном вопросе Ленин является теоретиком нового направления в коммунизме“. („Молодая Гвардия“, № 2—3, стр. 229).

Национальная программа большевизма—также один из китов ленинизма. Спрашивается: можно ли национальную политику ленинизма разорвать на две части: до 1914 г. и после 1914 г.?

Тов. Каменев во введении к XIX тому собр. соч. Ленина, посвященном национальному вопросу, говорит:

„Особого внимания, с точки зрения истории коммунизма, заслуживает то обстоятельство, что в статьях по национальному вопросу за 1913—1914 гг.,—до начала империалистической войны—фактически предвосхищены ответы на те коренные вопросы пролетарского движения, которые во весь рост были поставлены только империалистической войной. Та позиция, которую большевизм занял немедленно после августа 1914 г. по вопросу о „защите отечества“, об отношении к „своей“ буржуазии, об „аннексиях“ и т. п., была в большей степени подготовлена именно в дискуссии по национальному вопросу 1913—1914 гг.“ (стр. 4, 5).

Тов. Сталин по тому же вопросу говорит:

„Раньше национальный вопрос рассматривался реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос, вне связи с общим вопросом о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции. Молчаливо предполагалось, что победа пролетариата в Европе возможна без прямого союза с освободительным движением в колониях, что разрешение национально-колониального вопроса может быть проведено втихомолку, „самотеком“, в стороне от большой дороги пролетарской революции, без революционной борьбы с империализмом. Теперь эту антиреволюционную точку зрения нужно считать разоблаченной. Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых

стран против империализма. Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата". (Сталин. „О Ленине и ленинизме“, Изд. „Пролетарий“, стр. 94—95).

Эти определения безусловно верны. В борьбе с мелко-буржуазным оппортунизмом, с одной стороны, и радикализмом (Р. Люксембург, Пятаков и др.), с другой—еще до 1914 г. создана ленинская национальная политика, которая лежит в основе политики Коминтерна и до сих пор.

Это настолько элементарно, что едва ли нужно приводить дополнительные доказательства. Достаточно прочитать статьи Ленина периода 1913—1914 гг. (Собр. соч., т. XIX), чтобы убедиться в этом.

V.

Все приведенные данные показывают, что нельзя разрывать большевизм на две части: до 1914 года и после 1914 года, именуя ленинизмом только то, что началось с 1914 года.

Если мы пойдем этим путем, мы выбросим из ленинизма всю борьбу с меньшевизмом до 1914 года, крестьянский вопрос, национальный и организационный вопросы.

Большевизм целостен и монолитен до конца. Нельзя его растаскивать по камешкам. Нельзя принимать одно и отвергать или отодвигать другое.

Ленинизм можно взять только в целом и стать ленинцем можно, только изучив ленинизм во всех его исторических периодах.

Лучше всего об этом сказал сам Ленин в „Детской болезни левизны“:

„Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 г. Только история большевизма за весь период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата“ (Собр. соч. Ленина, том XVII, стр. 118).

Это нужно хорошенько запомнить:

„Только история большевизма за весь период может удовлетворительно объяснить“... и т. д.

Большевизм-ленинизм и „за весь период“ целостен, неразрывен и логически связан—отрицание этого приводит к ревизии ленинизма.

Ленинизм можно и должно изучать по периодам.

Не мог Ленин, при всей своей гениальности, в 1905 г. сказать то, что нужно было сказать в 1915 году.

Ленин всю массу своих теоретических положений всегда излагал применительно к практическим действиям.

Но одна основная мысль проходит через все произведения Ленина—это мысль о пролетарской диктатуре. По разному и с разных сторон подходил к ней Ленин, но она служила ему путеводной звездой.

Тов. Бухарин в статье „Ленин, как марксист“*) говорит, что Маркс считал основой своего учения то, что оно „неминовемо ведет к диктатуре пролетариата“.

Ленин всю свою революционную работу направлял к тому, чтобы осуществить диктатуру пролетариата.

В период 1905—1914 гг. наиболее революционная ситуация была в России. Только победоносная революция в России могла дать толчок революции в Европе, и Ленин целиком отдает себя революционному движению России, почти не входя в интернациональное движение.

1914 год круто меняет положение.

Мировая война создает революционную ситуацию во всем мире, и Ленин становится вождем мирового коммунизма.

Преображенский говорит, что лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую лежит в основе ленинизма, что этот лозунг в 1914 году сделал Ленина вождем рабочего класса всего мира. („Молодая Гвардия“, № 2—3, стр. 224).

Правильно, что этот лозунг сделал Ленина вождем рабочего класса всего мира, но кто возьмется утверждать, что лозунг превращения империалистической войны в гражданскую впервые выдвинут Лениным в 1914 году и что он логически также не вытекает из предыдущей работы Ленина?

Я напоминаю статью Ленина в 1907 году о Штутгартском конгрессе:

„В зависимости от этих условий стоит выбор средств борьбы, причем эта борьба должна состоять (это третий пункт недоразумений или недомыслия эрвэизма) не в одной замене войны миром, а в замене капитализма социализмом. Не в том суть, чтобы помешать только возникновению

*) „Молодая Гвардия“, № 2—3.

войны, а в том, чтобы использовать порождаемый войной кризис для ускорения свержения буржуазии.*) Но за всеми полуанархическими нелепостями эрвэизма таилась одна практически верная подкладка: дать толчок социализму в том смысле, чтобы не ограничиваться парламентскими только средствами борьбы, чтобы развить в массах сознание необходимости революционных приемов действия в связи с теми кризисами, которые война несет с собой неизбежно,—в том смысле, наконец, чтобы распространить в массах более живое сознание международной солидарности рабочих и лживости буржуазного патриотизма". (Собр. сочин. 1922 г., т. VIII, стр. 502).

Что значит „использовать порождаемый войной кризис для ускорения свержения буржуазии"? Есть ли это что-либо иное, чем лозунг гражданской войны?

Выбор „средств борьбы" Ленин ставит в зависимость от условий.

Ленин, как известно, был одним из авторов Штутгартской резолюции и с самого начала войны Ленин совершенно правильно обосновал лозунг гражданской войны резолюциями Штутгартского и Базельского (1912 г.) конгрессов II Интернационала. Ленин применил этот лозунг к жизни, а старые вожди II Интернационала ему изменили.

Когда предсказанная мировая война разразилась, Ленин ей противопоставил идею мировой пролетарской революции.

Неужели же это нисколько не связано с позицией Ленина в 1907 г. в вопросе о войне, неужели это что-нибудь иное, чем „использование порождаемого войной кризиса для ускорения свержения буржуазии"?

В 1914 г. Ленин соответственно „условиям" обосновал превращение войны империалистической в войну гражданскую, „не в эту, так в ближайшую, следующую войну". (Собр. соч., т. XIII, стр. 17).

В этом его великая заслуга, и кто не понимает, что вся работа В. И. с 1914 года неразрывно связана со всей предыдущей историей большевизма—тот рискует наделать массу ошибок.

*) Подчеркнуто мною. Э. К.

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых сложных и спорных. Искусство — это не просто отражение действительности, но и ее преобразование. Оно рождается из потребности человека выразить свои чувства, мысли, идеалы. Искусство — это язык, на котором говорят души. Оно способно возвышать человека, давать ему ощущение смысла жизни. Искусство — это труд, требующий таланта, упорства и жертвенности. Оно — часть культуры, которая формирует личность и общество. Искусство — это мост между прошлым и будущим, между разными культурами и народами. Оно — источник вдохновения и радости. Искусство — это то, что делает жизнь человека богаче и полнее. Оно — наша общая сокровищница. Мы должны беречь и развивать искусство, чтобы передать его будущим поколениям. Искусство — это наша ответственность перед человечеством. Оно — наше великое достояние. Мы должны гордиться им и использовать его во благо. Искусство — это свет, который озаряет путь человека. Оно — наша надежда на лучшее будущее. Искусство — это наша жизнь. Оно — наше искусство.

ЛЕНИН, ЗАГОВОРЩИЧЕСТВО, ОКТЯБРЬ.

Обвинение Ленина в заговорщичестве, бланкизме было одним из ходячих обвинений со стороны меньшевиков на протяжении долгих лет ожесточенной борьбы. После февральской революции это обвинение с новой силой было выдвинуто меньшевиками, эсэрами, кадетами—всеми врагами большевизма.

Возвращаться к этим спорам сейчас не имеет смысла. За нами не только Октябрьская революция, но и годы жесточайшей гражданской войны, в которой на стороне большевиков принимало активное участие громадное большинство трудящихся масс.

Советская власть добыта и укреплена борьбой миллионов. Заговорщичество, бланкизм (но без его революционности, разумеется) в течение многих уже лет стали основным занятием всех антисоветских партий, особенно социалистических, причем это заговорщичество никак не может найти почву в широких массах.

Обвинение большевиков в заговорщичестве отвергнуто фактом семилетнего существования Советской власти, как власти глубоко народной, которую не могли свергнуть ни заговорщические восстания внутри страны, ни интервенции.

Но, может быть, октябрьское восстание проведено не по Ленину, не ленинским путем, а с поправками, существенно изменившими ленинскую линию?

К сожалению, такой вывод получается из воспоминаний г. Л. Троцкого в его книжке о Ленине *).

Все мы знаем, что тов. Троцкий был одним из организаторов октябрьского переворота и как председатель Петербургского Совета, и как член Революционного Комитета, являвшегося фактическим первым правительством Октябрьской революции.

Это делает воспоминания т. Троцкого о восстании наиболее ценными, но вместе с тем и наиболее ответственными.

*) Л. Д. Троцкий. О Ленине. Госиздат. Глава „Переворот“.

К сожалению, т. Троцкий слишком положился на свою память и потому, вероятно, допустил ряд утверждений относительно позиции Ленина в отношении восстания, которые не соответствуют имеющемуся фактическому материалу.

Тов. Троцкий оговаривается, что „воспоминания, относящиеся к последним дням, предшествовавшим перевороту, как бы спрессованы в памяти и их очень трудно отделять друг от друга, разворачивать и распределять по частям“.

Это общий грех всех воспоминаний, основанных на памяти, а не на документах, и нужно прямо сказать, что значительная часть всех печатаемых у нас воспоминаний воспроизводит факты с очень большим субъективизмом, запутывая нередко вопрос.

Мы считаем, что именно так запутывается в воспоминаниях т. Троцкого позиция т. Ленина в отношении восстания перед Октябрем.

Касаясь известного вопроса о том, что т. Ленин в сентябре—октябре решительно требовал ускорения восстания, не связывая срок восстания со сроком созыва 2-го съезда Советов, т. Троцкий говорит, что Ленин добивался того, чтобы „партия захватила власть вооруженной рукой, а затем, мол, уже будем разговаривать о съезде Советов“.

По Троцкому выходит, что т. Ленин хотел, чтобы партия, помимо Советов и „за спиной“ Советов, захватила власть.

Полемизируя с т. Лениным, он говорит:

„Как в июле, Ленин переоценивал проницательность и решительность врага, а, может быть, уже и его материальные возможности. В значительной мере это была переоценка, тактически совершенно правильная: она имела своей задачей вызвать со стороны партии удвоенную энергию натиска.“

Но все же брать власть собственной рукой, независимо от Совета и за его спиной, партия не могла. Это было бы ошибкой*). Последствия сказались бы даже на поведении рабочих и могли бы стать чрезвычайно тяжкими в отношении гарнизона. Солдаты знали Совет депутатов, свою солдатскую секцию. Партию они знали через Совет. И если бы восстание совершилось за спиной Совета, вне связи с ним, не прикрытое его авторитетом, не вытекающее прямо

*) Курсив мой. Э. К.

и ясно для них из исхода борьбы за власть Советов,—это могло бы вызвать опасное замешательство в гарнизоне *) (стр. 71).

Не нужно также забывать, что в Петербурге, наряду с местным советом, существовал еще старый ВЦИК, с эсэрами и меньшевиками во главе, этому ВЦИК'у можно было бы противопоставить только с'езд Советов“.

Подкрепляет эту свою мысль т. Троцкий такой передачей воспоминания о своей встрече с т. Лениным в самый день восстания, 25 октября, в Смольном:

„Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук. Потом он стал молчаливее, подумал и сказал: „Что же, можно и так. Лишь бы взять власть“. Я понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказывались от захвата власти путем конспиративного заговора *). Он до последнего часа опасался, что враг пойдет наперерез и застигнет нас врасплох. Только теперь, вечером 25 октября, он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события“ (стр. 75).

Какие выводы следуют из приведенных цитат?

Первый—Ленин будто бы требовал захвата власти путем „конспиративного заговора“.

Второй—Ленин требовал будто бы, чтобы в порядке конспиративного заговора партия захватила власть независимо от Советов и за спиной Советов.

Третий—Ленин до последнего дня, т. е. до дня восстания, не был согласен с той линией, которую проводила партия и которую выражал и проводил в ЦК Троцкий.

Все вместе сводится к одному:

Ленин упорно толкал партию по пути бланкистского заговора,—Троцкий не допустил до этого и, таким, образом, в Ленинскую позицию была внесена существенная поправка.

Эти выводы логически вытекают из положений Троцкого, хочет он того или нет.

Никто не может брать под сомнение воспоминания о тех или иных разговорах с Лениным,—но каждый член партии обязан проверять воспоминания, основанные на памяти, с документальным материалом, который имеется.

К этому мы и перейдем.

*) Курсив мой. Э. К.

Начнем с более частного вопроса: требовал ли действительно Ленин, чтобы партия, помимо Советов и за спиной Советов, взяла власть.

Я думаю, что не о знаменитой его статье „К лозунгам“ здесь идет речь. К сентябрю—октябрю она уже отпала. Принципиально же положения этой статьи правильны, и сейчас вовсе не обязательно, чтобы, скажем, в Германии, Франции, Англии органом восстания были Советы. „Советы явятся после“,—говорил Ленин, и мы вполне допускаем, что органами восстания могут быть, скажем, фабзавкомы и другие массовые рабочие организации. В этом была сущность статьи „К лозунгам“.

Но в сентябре—октябре речь шла о другом, а именно: нужно ли обязательно связать восстание со с'ездом Советов, или же должно начать до с'езда, чтобы не дать себя разгромить, чтобы не указывать врагу срок восстания.

Ленин требовал, чтобы восстание не было непременно связано со с'ездом Советов, но при этом Ленин требовал, чтобы организацию восстания приняли на себя столичные советы—Петроградский и Московский.

Обратимся к документам:

Документ первый.

Письмо Ленина в ЦК, ПК, МК РСДРП (б), написанное в сентябре 1917 года, начинается словами:

„Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее“. *)

Документ второй.

Письмо в ПК и МК РСДРП (б-ков), написанное в начале октября:

„Медлить—преступление. Ждать с'езда советов—ребяческая игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власть без восстания, надо идти на восстание тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским советом) правительством.

*) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 134.

В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся.

Ибо Московский совет, взяв власть, банки, фабрики, „Русское Слово“, получает гигантскую базу и силу,— агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: мир мы предложим завтра, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). Землю крестьянам тотчас, уступки железнодорожникам и почтовым служащим тотчас и т. д.“ *)

Эти документы в свое время не были предназначены для печати, что делает их особенно ценными.

Нужны ли еще какие-нибудь доказательства тому, что т. Троцкий допустил в своих воспоминаниях серьезную ошибку, утверждая, что Ленин хотел, чтобы партия, помимо и за спиной Совета, взяла в октябре власть?

В этом вопросе явная путаница. Речь может идти лишь о том, что Ленин боролся против „конституционных иллюзий“, связанных со с'ездом советов.

Он прямо говорит: „ждать с'езда, это—ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции“.

Раз'ясняя этот пункт подробнее в тезисах о лозунге „Вся власть советам“, он пишет:

„Задача взятия власти советами есть задача успешного восстания. Поэтому все лучшие силы партии должны быть направлены на фабрики и в казармы, чтобы раз'яснить массам их задачу и чтобы, правильно учитывая их настроение, выбрать правильный момент для свержения правительства Керенского.

Связывать эту задачу непременно со с'ездом советов, подчинять ее этому с'езду—значит играть в восстание, назначая заранее его срок, облегчая подготовку войск правительством, сбивая с толку массы иллюзией, будто „резолуцией“ с'езда советов можно решить вопрос, который способен решить только восставший пролетариат своей силой.“ **)

Вот против чего боролся Ленин: против иллюзий, будто резолюцией с'езда советов можно решить вопрос, „который способен решить только восставший пролетариат силой“.

*) Там же, стр. 266.

**) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 268.

Он требовал, чтобы солдатам и рабочим партия твердо сказала, что мирным путем, хотя бы путем с'езда советов—пролетарский переворот совершен быть не может; что для этого нужно вооруженное выступление.

Было ли у Ленина сомнение в том, что с'езд советов выскажется против власти советов? Ни малейшего. Наоборот, во всех своих писаниях этого периода он настойчиво доказывает цифрами, что за нами большинство народа. Он в этом глубоко уверен. Но Ленин боится, что корниловцы перейдут в наступление, захватят инициативу, получают перевес и, таким образом, не допустят с'езда и разгромят нас по частям, отдельно Петроград, Москву и т. д.

Ленин требовал, чтобы столичные советы взяли на себя ответственность за восстание от имени советов всей страны.

А разве так оно фактически не было?

Разве Петроградский совет не поставил второй с'езд советов перед фактом восстания? Разве с'езд мог бы пойти назад, если бы захотел?

Ленин был совершенно прав и по отношению к нашей Октябрьской Революции, и по отношению к грядущим революциям в других странах.

Восстание не обязательно приноравливать к с'езду советов. Для определения наличия достаточных условий для восстания существуют другие вполне марксистские способы, к которым мы сейчас перейдем.

Тов. Троцкий уверяет, что Ленин пытался организовать восстание и захватить власть „путем конспиративного заговора партии“, т. е. не путем массовой организации восстания, каким шел Троцкий.

Обратимся опять-таки к документам.

Можно было бы начать сравнительно издавека, хотя бы с первой статьи т. Ленина, написанной после Февральской революции еще за границей, напечатанной в „Правде“ 21—22 марта 1917 года под знаменательным заголовком — „Первый этап первой революции“. В ней уже Ленин требует вооружения пролетариата для укрепления, расширения и т. п. Советов Раб. и Солд. Деп., т. е. далек от пути заговорщической конспирации.

Пропустим также статьи, написанные Лениным сейчас же после июльского поражения петроградских рабочих. В них Ленин также призывает к массовой организации для восстания.

Остановимся на наиболее ценном документе, опять-таки в свое время не предназначенном для печати, на письме в ЦК нашей партии, написанном в сентябре 1917 года и опубликованном впоследствии под заглавием: „Марксизм и восстание“.

Эта статья-письмо, несмотря на боевой и злободневный его характер, является теоретическим обоснованием настоящего марксистского понимания восстания в изложении Ленина. В этой статье Ленин со свойственной ему точностью определяет отличие в постановке вопроса о восстании между марксизмом и бланкизмом. Вот это определение:

„Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это—во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это—во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это—в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается марксизм от бланкизма“. *)

Можно ли предполагать, что Ленин, таким образом, в секретном письме Центральному Комитету определяя отношение к восстанию, на деле проводит, за спиной советов, бланкистское конспиративное заговорщичество, не опираясь на массы и массовые организации?

Я думаю, что никто так вопрос ставить не может.

Ведь, сказано твердо: „Восстание опирается не на заговор, не на партию, а на передовой класс“. Каким же образом можно приписывать Ленину и заговор, и попытку опереться не на широкие массы, а только на партию (партия за спиной советов)?

Получается величайшее противоречие между словами Ленина и тем, что ему приписывает Троцкий.

Безусловно, что и в этом вопросе память сыграла с т. Троцким плохую шутку. Надо полагать, что вопрос шел и здесь лишь о различных оттенках в отношении к практической работе по подготовке восстания.

Известно, что Ленин очень серьезно воспринял слова Маркса о восстании, как искусстве. Он сильно упирает в этот

*) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 136.

пункт, доказывая, что „отказ от отношения к восстанию, как к искусству“, означает измену марксизму. Массовая подготовка восстания на фабриках и в казармах была у Ленина на первом месте, но наряду с этим Ленин требовал следующее:

„А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, не относясь к восстанию, как к искусству“ *).

Единственно подобные темы могли навести мысль на заговорщичество. Но в чем тут „конспиративный заговор“? Может быть, в организации штаба? Но разве фактически у нас уже тогда не было военного штаба, хотя и достаточно плохого, в лице военной организации, и разве какую-нибудь революцию можно провести без конспирации и без штаба? А разве тов. Троцкий не организовывал в необходимых размерах и то, и другое? Разве в то же время Ленин вместе со всеми не работал над подготовкой массового восстания, и разве совместимо с тесным конспиративным (тайным) заговором публикование к всеобщему сведению в „Правде“ статей в пользу немедленного восстания? А такие статьи Ленин писал.

Укажем прежде всего на статью „Кризис назрел“, напечатанную 7-го октября 1917 г., самое название которой достаточно красноречиво.

Но наиболее важной является статья под заголовком „Письмо к товарищам“, напечатанная в газ. „Рабочий Путь“ 19, 20, 21 октября, т. е. за несколько дней до восстания. В этой статье тов. Ленин страстно обрушивается на колеблющихся большевиков и доказывает, что необходимо ускорить восстание.

*) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 140.

Он разбивает все доводы против восстания, доказывая, что за нами большинство народа, что массы готовы к выступлению, что ждать—преступление перед революцией.

Ленин не меньше и не хуже других знал законы массовых действий, и не его, который научил нас в революции „счету на миллионы“, мы можем обвинять в стремлении к „конспиративному заговорществу“.

Да, Ленин требовал, чтобы организация восстания миллионов имела свой нелегальный военный центр, ибо выступление может рассчитывать на успех только в том случае, если им будет руководить хороший штаб, способный рассчитать до последнего отряда и свои силы, и силы врага, который сумеет закрепить завоевания, достигнутые первым взрывом массовых действий.

В этом смысле Ленин действительно был сторонником военного заговора, и об этом он опять-таки говорит открыто в той же статье, но это отнюдь не бланкистское заговорщичество, а нечто совершенно иное.

Вот как об этом заговорществе говорит сам Ленин:

„Военный заговор есть бланкизм, если его устраивает не партия определенного класса, если его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности, если на стороне этой партии нет доказанного об'ективными фактами сочувствия большинства народа, если развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии, если не завоевано большинство признанных полномочными—или иначе себя показавших органов революционной борьбы вроде „Советов“, если в армии (буде дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настроения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, если лозунги восстания (вроде „Вся власть Советам“, „Земля крестьянам“, „немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров и тайной дипломатии“) и т. п. не приобрели широчайшей известности и популярности, если передовые рабочие не уверены в отчаянном положении масс и в поддержке деревни,—поддержке, доказанной серьезным крестьянским движением, или восстанием против помещиков и защищающего их правительства, если экономическое положение страны внушает серьезные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами.

Пожалуй, довольно.

В своей брошюре „Удержат ли большевики государственную власть“ (я надеюсь, что она на-днях выйдет уже в свет) я привел цитату из Маркса, действительно относящуюся к вопросу о восстании и определяющую признаки восстания, как „искусства“.

Я готов биться о заклад, что если предложить раскрыть рот тем болтунам, которые кричат теперь в России против военного заговора и призвать их к объяснению разницы между „искусством“ вооруженного восстания и осуждения достойным военным заговором, то они либо повторят сказанное выше, либо осрамят себя и вызовут всеобщий смех рабочих. Попробуйте-ка, любезные тоже марксисты! Спойте нам песенку против военного заговора“.*)

Имеет ли тов. Троцкий что-либо против такого заговорщичества и не принял ли он сам перед Октябрем этот ленинский метод „военного заговора“? Почему же, в таком случае, Троцкий так неосторожно приписывает Ленину „конспиративное заговорщичество“?

Хочет ли т. Троцкий этим сказать, что ленинское понимание восстания не является истинно марксистским, или он полагает, что Ленин на практике отступал от собственных теоретических положений?

Мы знаем, что т. Троцкий обладает способностью напускать туману—говорить намеками, не договаривая.

Троцкий вместе с тем неоднократно говорил о своем преклонении перед гением Ленина.

Как же он с легким сердцем, не попробовав проверить свои воспоминания по сохранившимся документам, набрасывает тень на мертвого вождя?

Можно не соглашаться с Лениным, опровергать его, спорить с ним, но спорить нужно тогда против того, что Ленин действительно говорил и писал, того, что составляет неопровержимые документы, а не против того, что осталось в памяти о разговорах с Лениным.

Как-то Мартов обличал Ленина в непоследовательности, доказывая, что Ленин в разговоре с ним говорил не так, как он потом писал.

Ленин весьма едко посоветовал Мартову не полагаться на свою память, т. к. она его не раз уже подводила.

*) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 286.

Мы полагаем, что каждый коммунист в своих воспоминаниях о Ленине должен быть особенно осторожен, чтобы не подводить ни себя, ни Ленина.

П о с л е с л о в и е .

После того, как настоящая статья уже была написана, я получил только что вышедший том собр. соч. т. Троцкого с вводной статьей автора „Уроки Октября“. В этой статье т. Троцкий также пытается доказать, что Ленин в октябре был за захват власти партией помимо советов. Цитируя приведенное уже нами место из статьи Ленина об отношении к восстанию, как искусству, Троцкий говорит:

„Эта постановка вопроса предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии, с тем, чтобы потом освятить победу через съезд Советов“.

Оказывается, дело ве в слабой памяти т. Троцкого. Налицо вполне продуманное выступление. Думаю, что приведенными мною документами неопровержимо доказано, что речь шла у Ленина не о том, чтобы „партийным путем и от лица партии“ совершить восстание, а о том, чтобы совершить его через Петроградский и Московский Советы от лица Советов всей страны.

Все потуги Троцкого сводятся к тому, чтобы показать, что именно он, вопреки Ленину, и подталкивая колеблющийся ЦК партии, провел подготовку октября своим, а не Ленинским путем.

В целом статья „Уроки Октября“ является, мягко выражаясь, не очень скромной попыткой поставить себя во главе октябрьского переворота, оттеснив на задворки партию в лице ее ЦК, Петербургского и Московского Комитетов, а заодно с ними и Ленина.

Троцкий начинает свою статью указанием, что Октябрьская революция еще не нашла своего отражения в литературе.

Тем самым Троцкий взял на себя обязательство дать серьезную работу об Октябре. Вместо этого имеется, с одной стороны, попытка изобразить отдельных товарищей „правым уклоном“ в партии, а с другой стороны—самовосхваление.

Если в этой статье Троцкого и есть какая-либо история,—то история весьма скверная, а именно—искажение Ленинского подхода к Октябрьской революции.

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ ХАРЬКОВСКОГО ГУБКОМА.

Последнее литературное выступление тов. Троцкого является прямым продолжением нашей прошлогодней дискуссии. Но поскольку эта дискуссия была закончена, новое литературное выступление Троцкого возобновляет дискуссию.

Это выступление за истекший год является не единственным выступлением представителей б. оппозиции ревизионистского характера. Я вам напомним отдельные статьи Радека, о которых в свое время велась дискуссия. И если тогда некоторые товарищи думали, что к Радеку, может быть, придираются зря, то теперь при накоплении литературного материала становится совершенно ясно, что мы имеем дело не с единичными выступлениями отдельных интересов, а с определенным уклоном в нашей партии, который выявляется пока что в литературных произведениях. Поэтому мне придется говорить не только о последней статье тов. Троцкого „Уроки Октября“, а и о его предыдущей книжке—о Ленине, очевидно, товарищам больше знакомой, чем его последняя статья, а также о некоторых статьях Преображенского, в свое время написанных о Владимире Ильиче.

Тов. Троцкий об истории партии.

Почему я говорю, что последнее выступление тов. Троцкого является продолжением дискуссии? Имено потому, что в этом его выступлении речь идет, главным образом, об оценке Октября, причем оценка эта целиком и полностью вытекает из той оценки, которую давал т. Троцкий в своих известных прошлогодних дискуссионных статьях. Я прочитаю вам выдержку из статьи о „Партийных поколениях“, для того, чтобы это вам стало совершенно ясно. Вы помните, что Троцкий разбил историю партии на четыре периода: пятнадцатилетняя до-октябрьская подготовка, затем Октябрь, по-октябрьский период и новый курс.

Вот как Троцкий определял место Октября в истории нашей партии: „что до-октябрьская история, несмотря на ее богатство, сложность и различность пройденных этапов, представляла только подготовительный период, это сейчас совершенно бесспорно.

Октябрь дал идейную и организационную проверку партии и ее кадрового состава. Под Октябрем мы понимаем наиболее острый период борьбы за власть, начиная, скажем, с апрельских тезисов тов. Ленина и кончая фактическим завладением государственным аппаратом. Октябрьская глава, измеряемая месяцами, по содержанию своему не менее значительна всего подготовительного периода, измерявшегося годами и десятилетиями. Октябрь не только дал безошибочную, единственную в своем роде проверку великого прошлого партии, но и сам стал источником величайшего опыта для будущего. Через Октябрь до-октябрьская партия впервые узнала себе настоящую цену.“...

Вот что говорил тов. Троцкий в прошлой дискуссии. Вы помните, что этот вопрос служил предметом очень больших споров. Я напому вам ответ центрального органа партии тов. Троцкому под заголовком „Долой фракционность“. В этом ответе имеется специальная глава об основных этапах в развитии нашей партии. Редакция „Правды“ уже в прошлом году указывала, что такое изображение истории партии нужно Троцкому в стратегических целях, чтобы свести идейную и организационную проверку в Октябре, а всю четверть вековую работу партии в предисторию к объявленному в прошлом году Троцким „новому курсу“, при котором, по Троцкому, партия якобы впервые познала себя, как многотысячный коллектив.

В последней своей статье тов. Троцкий дает Октябрю, примерно, такую же оценку, как и в прошлом году.

Я прочитаю вам ряд выдержек (Введение, стр. 16):

„В период от февраля до октября, на основе широчайшей агитационной и организационной работы в массах шел последний осмотр и отбор оружия партии перед решающим боем.. В октябре и после октября это оружие было проверено в гигантском историческом действии“.... и дальше.... „Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции,—совершенно также, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду“..... В другом месте (стр. 65): „Большевизм не доктрина

(т. е. не только доктрина), но система революционного воспитания для пролетарского переворота. Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября“.

Вы видите, товарищи, что в определении и оценке Октября в последнем литературном произведении тов. Троцкого мы имеем почти буквальное повторение того же самого, что говорилось относительно Октября в прошлую дискуссию, что дало возможность тов. Троцкому делать выводы об опасности перерождения старых кадров и что партией было соответственным образом осуждено.

В чем ошибка тов. Троцкого?

В чем же, товарищи, ошибка такой оценки Октября? Разумеется, мы не можем отрицать, что Октябрь был одним из важнейших моментов в истории нашей партии, что захват власти, революция, восстание являются проверкой всякой партии. Но вместе с тем, в такой форме, как ставит вопрос тов. Троцкий, имеется ошибка, которая заключается в том, что проверка партии производится не только в период восстания. Это есть один из серьезнейших моментов проверки, но вместе с тем всякая партия в своем развитии проходит через целый ряд поворотных этапов и кризисов, которые, в свою очередь, являются проверкой революционной сущности партии. Это— во-первых. Во-вторых, основная задача пролетарской партии заключается не только в самом захвате власти, а и в том, чтобы эту власть удержать, в том, чтобы подвигаться к коммунизму. Это задача не менее серьезная, чем самый акт захвата. Общеизвестно, что, в Венгрии, где захват власти произошел сравнительно легко и удачно, в ближайшее же время обнаружились серьезные внутренние противоречия в соотношении сил, недостаточная приспособленность руководящей партии к проведению пролетарской диктатуры, что привело к развалу революционных сил, и советская власть была свергнута через несколько месяцев. Из этого совершенно ясно, что для венгерской партии самым серьезным моментом ее проверки был не момент захвата политической власти, т. е. не венгерский Октябрь, а момент ее поражения. Она выдержала экзамен в свой Октябрь, но не выдержала его через несколько

месяцев после Октября, вынужденная уже добытую власть уступить буржуазии.

Об этом очень хорошо сказал т. Ленин в книжке „Детская болезнь „левизны“ в коммунизме“.

В этой книжке имеется специальная глава—„Одно из основных условий успехов большевиков,“—которая начинается следующей фразой:

„Наверное, теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то, что 2¹/₂ года, но и 2¹/₂ месяца без строжайшей поистине железной дисциплины в нашей партии“.

И вслед за этим Ленин отвечает на вопрос, почему большевики могли выработать такую дисциплину? Этот ответ Ленин находит в истории большевизма за весь период его существования:

„Большевизм существует, как течение политической мысли и как партия, с 1903 года. Только история большевизма за весь период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата“. (Т. XVII, стр. 118).

Следовательно, вопрос гораздо шире, чем пытается ставить его т. Троцкий. И поэтому он впадает в ошибку. На самом деле, возьмите историю нашей партии до 1917 года, которую тов. Троцкий называет подготовкой к Октябрю, и попробуйте исключить из нее какой-либо отдельный период.

Возьмем 1903 год, первый наш раскол с меньшевиками. Попробуйте исключить этот основной пункт нашей истории, попробуйте предположить, что в 1903 году тов. Ленин пошел не своим путем, а, скажем, пошел бы за тов. Троцким,—имели бы мы большевистскую партию в том виде, как она создавалась с 1903 года? Не имели бы! В 1903 году разногласия были как будто бы внешне очень несущественными. В организационном вопросе весь раскол произошел из-за пункта о том, кого считать членом партии. С точки зрения меньшевиков, с точки зрения среднего социал-демократа того периода, это были совершенно несущественные разногласия. Однако, мы сейчас знаем, что Ленин тогда уже вопрос ставил гораздо глубже; для него вопрос шел об организации действительно революционной партии. Ленин понимал, что если мы будем широко

принимать всех, кто хочет считать себя членом партии, а не тех, кто ведет действительно революционную подпольную работу, кто связан с партией и работает по ее директивам, то партия разбухнет за счет всяких неустойчивых элементов, которые внесут в нее свое мелко-буржуазное существо, и, таким образом, мы получим не пролетарскую революционную партию, а какую-то кашу, т. е. то, что получилось у меньшевиков.

Попробуйте исключить из истории эту первую проверку на революционность, что получится?

Возьмите дальше период 1905 года. Что было основным в этот период? То, что наша партия выдвинула лозунг демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства и под этим лозунгом поднимала рабочих и крестьян на революцию (тогда речь шла о демократической революции). Попробуйте исключить это из нашей истории, попробуйте начать наши отношения к крестьянству не с 1905 г., не с политики союза с крестьянством.

Ленин в той же книжке о „Детской болезни“ так говорит о периоде 1905—07 г.г.

„Все вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905—7 и 1917—1920 годах, можно (и должно) проследить в зародышевой форме по печати того периода“ (902—905 г.г.) (стр. 120, т. XVII).

И дальше:

„Без „генеральной репетиции“ 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна“.

Возьмите дальше период 1907—14 г.г., период наиболее острой борьбы с ликвидаторами. Если бы этой борьбы не было, если бы тов. Ленин и вся наша партия не вели самой жестокой борьбы с легалистскими попытками подстричь революционные лозунги под царские легальные условия, если бы этого не было — у нас к 1917 году была бы меньшевистская партия. Так случилось бы, если бы мы в период жестокой царской реакции, подобно, скажем, тов. Троцкому, отказались от революционных лозунгов. А, ведь, известно, что в 1905 году тов. Троцкий был сверхреволюционен и выставлял лозунг рабочего правительства и рабочей революции, теорию, т. н., перманентной революции, и, после столь революционной теории, столь революционных и вместе с тем, нежизненных лозунгов, сейчас же с начала реакции, перекочевал обратно к меньшевикам и вместе с ними

организовывал в 1912 г. августовский блок против большевиков. Если бы большевики в 1907—8—9 годах, в годы реакции, не выдержали испытания, не выдержали бы экзамена, если бы они сдали свои революционные позиции, с чем бы они пришли к 1917 г.? Ни с чем, или, вернее, они пришли бы к 1917 г. с тем багажом, с которым в этом году пришла меньшевистская партия.

Период 1914—17 г., когда большевики выдвинули лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, опять-таки был огромнейшим испытанием для революционной партии. Припомните о периоде реакции (1907—1910). Ленин говорит: „Друзья познаются в несчастьи. Разбитые армии хорошо учатся“... „Нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению“.

А это значит, что дрейфить нельзя не только в моменты под'ема—наступления, но и в моменты отступления, иначе неизбежно полное поражение или сдача всех позиций.

Многие ли это испытание выдержали? Только наша партия, единственно партия большевиков, целиком выдержала в 1914 г. испытание. Все остальные партии, в огромном большинстве, пошли по пути шовинизма, и только отдельные представители этих партий остались революционными интернационалистами. Про этот период (1914—1917 г.) Ленин говорит прямо:

„А если большевизм сумел победить в 1917—20 годах, то одной из основных причин этой победы является то, что большевизм еще с конца 1914 г. беспощадно разоблачал гнусности, мерзости и подлости социал-шовинизма и „каутскианства“ (т. XVII, стр. 122). Из всего сказанного мы видим, что дело с дооктябрьской предисторией партии гораздо сложнее, чем это представляет Троцкий, ибо в этой „предистории“ есть ряд переломных периодов, которые, в свою очередь, являются периодами серьезных проверок нашей партии, как партии революционной, проверок, которые партия выдержала, проверок, которые только и дали возможность придти большевикам к февралю и затем к Октябрю, как партии, способной к организации миллионов масс для захвата и удержания власти.

Отношение к крестьянству и национальный вопрос.

Мы уже говорили, что пролетарская партия за время своего существования до восстания должна быть подготовлена не только к захвату власти, а и к тому, чтобы власть удержать.

Именно такую подготовку получила наша партия в до-октябрьский период. Достаточно указать на крестьянский и национальный вопрос. Я уже говорил, что крестьянский вопрос был поставлен нами в 1905 г. и притом поставлен не только для 1905 г.; поставлен, как задача для пролетариата, в такой стране, как Россия, идти к революции обязательно вместе с крестьянством и вместе с ним революцию укреплять. Если бы у нас не было этого крестьянского опыта, если бы мы не прошли этот путь в 1905 г., если бы его не придерживались все время, даже в период тяжелой реакции, если бы мы в период 1905—17 г. все время не помнили о значении крестьянства и не проводили бы нашу политику в направлении согласования с интересами крестьянства,—очень возможно, что у нас внутри партии сейчас же после Октября усилился бы, т. н., рабочий уклон, и направлять нашу крестьянскую политику по линии союза было бы много труднее. То же в вопросе национальном. Основные положения национальной политики нашей партии были разработаны Вл. Ильичем еще до 1914 г., именно в период 1913—14 г.г. Тогда мы вели жестокую борьбу с августовским блоком, который проводил мелко-буржуазную идею культурно-национальной автономии. Наша революционная политика предоставления нациям полного права национального самоопределения очень помогла нам в 1917 г.—и, главным образом, после 1917 г.—проводить правильную политику, направленную к предоставлению мелким нациям права на самостоятельное существование. Если бы этого не было, если бы, наоборот, мы в 12—14 г. поддались т. Троцкому и всему меньшевистскому блоку, которые особенно усердно вели бундовскую кампанию национально-культурной автономии, мы и после Октября сбивались бы на пагубный путь, которым шел Керенский, по отношению к Финляндии, Украине и др. Вы помните, что в 18 году Англия ставила вопрос о концентрированном движении на нас 14 государств? Почему же она не смогла организовать это выступление против нас? Потому что мы вели правильную национальную политику, прежде всего в отношении мелких национальностей, которые (как Эстония, Латвия, Литва, Финляндия и др.) больше боялись,—и совершенно справедливо,—националистического Деникина, и меньше боялись нас, несмотря на классовое различие между нами и национально-буржуазными республиками.

Основы нашей крестьянской политики были заложены в нашей партии еще задолго до 1917 г., и это очень помогло нам после завоевания власти. Правильная политика в отношении крестьянства и мелких ранее угнетенных наций больше чем на половину разрешала задачу удержания власти.

Кончены ли Октябрем все разногласия?

Тов. Троцкий не отрицает исключительного значения тех разногласий с меньшевиками, на которых с 1903 по 1917 г. строилась наша партия, но он вместе с тем считает Октябрь проверкой и для этих разногласий.

Привожу соответствующее место из статьи „Уроки Октября“:

„Разногласия, вскрывшиеся на II съезде в 1903 году, Ленин назвал в 1910 году „антиципацией“, т. е. предвосхищением. Очень важно проследивать эти разногласия, начиная с их истоков, т. е. с 1903 г. и даже ранее того, например, с „экономизма“. Но это изучение получает смысл лишь в том случае, если оно доводится до конца и проводится через тот период, когда разногласия подверглись решающему испытанию, т. е. через Октябрь“.

Что говорится в этой цитате? Что значит фраза: „Это изучение получает смысл только в том случае, если оно доводится до конца, т. е. до Октября, когда разногласия подверглись решающему испытанию“? Этим Троцкий говорит, что разногласия нашли свое разрешение и конец в Октябре, а поскольку это так, то нечего, мол, и вспоминать ошибки отдельных товарищей, поскольку они имели место до 1917 г.

Можно ли думать, что, во 1-х, разногласия, которые были у т. Троцкого с большевиками в течение 15 лет (1903—1917 г.), можно считать законченными, так как в Октябре было единство между Троцким и партией? (Какого порядка единство, мы будем говорить в дальнейшем). Разумеется, нельзя! Я уже говорил о том, что Троцкий не сдрейфил и был сверхреволюционным в 1905 г., а сдрейфил после 1905 г., в 1907—1909 г.г., в годы реакции, вплоть до 1914 года,—даже вернее до 17 года. И помимо того, сам по себе Октябрь и участие в Октябре не являются ни малейшей гарантией того, что все те, которые принимали участие в Октябре, есть настоящие большевики. Ведь мы знаем, что всякое массовое

движение, когда оно докатывается до девятого вала, поднимает на своем гребне очень много попутчиков, вместе с настоящими революционерами. Это мы можем проследить на истории всех революций. Момент восстания является моментом наибольшего под'ема, значит, наибольшего захвата разных слоев населения. В этот момент революция имеет наибольшее количество попутчиков, которые в данный период революцию поддерживают, очень хорошо, может быть, поддерживают, но которые на другой день после революции могут отхлынуть. Классическим показателем могут явиться наши левые эсэры, которые были с нами во время революции, или, вернее, на другой день после Октябрьской революции, которые вместе с нами разгоняли учредительное собрание и которые продержались с нами все же очень короткое время. В них заговорили настроения мелко-буржуазных групп, которых они представляли. А представляли они наиболее зажиточные слои крестьянства. Когда эти зажиточные группы села отхлынули от пролетарской революции, вместе с ними отхлынули и левые эсэры. Так что марксистски неправильно утверждать, будто Октябрь все разногласия разрешает, будто Октябрь ставит точку над всем прошлым и устанавливает полное прощение всех грехов. Это, конечно, далеко не так. Весь период дальнейшего строительства является не менее важным, чем самый период захвата власти. Поэтому всякие последующие уклоны, которые проявляют отдельные лица, группы, или даже партии, являются показательными, и мы видим это на протяжении последующей истории нашей партии.

Троцкий неоднократно проявлял уклоны в сторону старого троцкизма.

Я не буду останавливаться на всех разногласиях между партией и т. Троцким, о них достаточно говорилось, и повторяться нечего. Но нужно помнить, -- и это самое важное, -- что во всех разногласиях в позиции Троцкого всегда было что-нибудь от старого троцкизма. Если бы эти разногласия ни в какой мере не были связаны со старым Троцким, то о них можно было бы и не говорить. Но поскольку во все периоды дискуссий позиция Троцкого всегда была ни чем иным, как отрывкой старого троцкизма, постольку мы имеем право говорить, что хотя Троцкий в Октябре и выдержал большевистское испытание, но зато он его не выдержал ни в Бресте, ни в дискуссии

о профсоюзах, ни в дискуссии прошлогодней. Об этом надо помнить. Партия не может мириться с подобного рода уклонами. Вот почему мы будем вести против них решительную борьбу.

Попытка разорвать историю партии.

Выпячивание 1917 г. в истории нашей партии, как периода исторической проверки, не является случайностью для оппозиции. Я вам напомним книжку тов. Преображенского о Ленине, которая была написана сейчас же после смерти тов. Ленина, примерно весной 1924 года. В ней т. Преображенский доказывает, что новое в нашей партии, то, что можно назвать ленинизмом, начинается только с 1914 года, с момента, когда Ленин выдвинул лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую. Только с этого момента тов. Преображенский и соглашается признавать нашу партию, как партию, построенную на основах ленинизма.

Выпячивание значения Октября у Троцкого и выпячивание значения для партии 14 года, как переходного периода к настоящему ленинизму, у Преображенского является характерным для нашей оппозиции. Что в этом характерного и что соединяет в этом пункте Троцкого и Преображенского? То, что они пытаются разорвать ленинизм, разорвать большевизм. Сказать, как это делает Преображенский, что до 14 года наша партия не отличалась от европейских с.-д. и что ленинизм начинается только с 14-го года. Таким образом, Преображенский сводит на нет историю партии до 14 г., а Троцкий хватается еще дальше: до 17 года. Я уже показал, насколько неправильным, немарксистским и неленинским является такой подход к вопросу.

Для чего нужно было такое подразделение истории нашей партии, такое выпячивание 17-го года? По прошлогодней дискуссии мы знаем, что это Троцкому нужно было для того, чтобы подчеркнуть в истории партии место так называемого нового курса. Для того, чтобы иметь возможность утверждать, что, только начиная с периода нового курса, партия впервые осознала себя, как многотысячный коллектив. Вместе с тем, это ему нужно было для того, чтобы пощекотать молодежь и чтобы поговорить о возможном перерождении старых кадров. Тогда очень многие удивлялись, почему вдруг такие разговоры

о перерождении, откуда они вытекают и из чего. Это было действительно недостаточно ясно. После статьи Троцкого об „Уроках Октября“ это стало уже более ясным. Теперешняя статья Троцкого написана, по моему, для того, чтобы прежде всего оправдать свое прошлое, для того, чтобы вместе с тем показать себя на первом месте в Октябре. И для того, чтобы сказать, не прямо сказать (Троцкий никогда достаточно прямо не говорит, а старается сказать намеками), что те работники, которые в 17-ом году ошиблись, уже не могут быть на руководящих постах и, во всяком случае, не могут руководить Коминтерновской политикой. Отсюда обвинение Коминтерна в неправильной политике, о чем мы будем говорить дальше. Для таких мало теоретических целей Троцкий искажает историю партии.

Ленин об ошибке т.т. Зиновьева и Каменева.

Если бы тов. Троцкий в своей последней статье ограничился самой жесточайшей критикой ошибок т.т. Зиновьева и Каменева в период Октябрьской революции, если бы он был в этом вопросе беспощаден, нечего было бы возражать. Тут мы имеем дело с определенным фактом, который в свое время был осужден партией, который был заклеямен Владимиром Ильичем, и тогда никто другой, как Владимир Ильич, находил резкое осуждение ошибок т.т. Каменева и Зиновьева. Если бы в статье об „Уроках Октября“ у Троцкого дело шло только об этом, то, разумеется, не могло бы быть никакой внутрипартийной дискуссии. Это вопрос второстепенный. Вопрос исторический, который в дальнейшем должен стать достоянием партийных историков.

Но дело в том, что Троцкий этим не ограничился, пошел гораздо дальше, допустив серьезную ошибку в оценке Октября.

Но, если говорить даже только об ошибке Каменева и Зиновьева, то мы должны вспомнить, как к этому относился Владимир Ильич. Ведь, у Троцкого получается, что Каменев и Зиновьев представляли правый уклон в нашей партии в 17-м году, что этот правый уклон представлял крупную силу, составлял в нашей партии „правое крыло“, что это „правое крыло“ существовало с момента февральской революции по Октябрь 17-го года, как некоторая крупная сила, и что те товарищи, которые сделали такую серьезную ошибку в Октябре

17 года, неспособны руководить политической партией в дальнейшем. Если бы это было так, то, очевидно, прежде всего оценку этому должен был бы дать Ленин. Но мы знаем, что в 17-м году, напр., Зиновьев только несколько недель был в оппозиции за весь период. Мы знаем, что не только тов. Зиновьев, но и все остальные товарищи, которые в Октябре были в оппозиции к ленинскому направлению, в ближайшие недели после Октябрьской революции были самым же Лениным поставлены на самые ответственные посты. Ленин редко возвращался к этому вопросу, и вот как он оценивает эту ошибку в 20 году:

„Перед самой Октябрьской революцией в России, и вскоре после нее, ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены... Через несколько недель, самое большее через несколько месяцев, все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты“.

Вот как оценивал в 20-м году тов. Ленин эту ошибку. И т. Троцкий неправ и в этом вопросе, изображая ошибку группы старых большевиков в Октябре, как оформленное „правое крыло“.

Извращение роли Ленина в Октябре.

В статье „Уроки Октября“ Троцкий возвращается к вопросу о роли Ленина в Октябре, при этом уже на основании документов он пытается подтвердить сказанное им уже в книге „О Ленине“.

Разбор этих извращений позиции Ленина произведен мною в статье „Ленинизм, заговорщичество и Октябрь“, почему я к ним здесь подробно возвращаться не буду, а ограничусь рядом дополнительных замечаний.

Если по поводу книги „О Ленине“, написанной в форме воспоминаний и с предупреждением, что она написана по памяти без проверки по документам, можно было говорить о злых шутках, которые память сыграла с т. Троцким, то теперь, после попыток документально обосновать обвинение Ленина в бланкизме, можно говорить о злой шутке, которую Троцкий хочет сыграть над Лениным.

В самом деле, на чем Троцкий основывает свое положение о том, будто Ленин хотел, чтобы восстание было проведено „от лица партии, помимо и за спиной советов“.

В „Уроках Октября“ он приводит следующую выдержку из статьи „Марксизм и восстание“:

„А чтобы отнестись к восстанию по марксистки, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д. Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, не относясь к восстанию, как к искусству“.

Приведя эту выдержку, Троцкий говорит:

„Эта постановка вопроса предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии, с тем, чтобы потом освятить победу через съезд Советов“.

Почему Троцкий приходит к такому выводу, совершенно непонятно. Тем более непонятно, если вспомнить, что именно в этой же статье Ленин дает законченное определение разницы между марксистским и бланкистским (заговорщическим) отношением к восстанию.

Именно в этой статье Ленин говорит, что первое отличие марксистского отношения к восстанию от бланкистского состоит в том, что восстание „опирается не на заговор, не на партию, а на передовой класс“.

Т. Троцкому достаточно было внимательно прочитать статью, из которой он делал выдержку, для того, чтобы не попасть в неловкое положение и не извратить Ленина.

Но, может быть, у Троцкого есть какие-то неизвестные нам документы? Об этом он нигде ничего не говорит, ограничиваясь неудачно вырванной из статьи Ленина цитатой.

Помилуйте, в этой цитате есть страшное слово „штаб повстанческих отрядов“, которое каким-то странным образом напугало Троцкого и заставило его отрешиваться от Ленинского конспиративного заговора.

Ни на какие другие документы Троцкий не ссылается—да их у него и не может быть. В приложении ко II тому „1907 года“ напечатаны два документа, которые не вошли в собрание сочинений Ленина.

Оба документа относятся к началу октября (по старому стилю) и в обоих Ленин с крайней резкостью обрушивается на течение „за ожидание с'езда Советов“. Эти документы были целиком направлены против Троцкого, так как именно Троцкий сильнее всего требовал назначения срока восстания к с'езду Советов.

В одном из этих писем Ленин говорит: „Имея оба столичных совета, дать подавить восстание крестьян—значит потерять всякое доверие крестьян. „Ждать“ с'езда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить недели, а недели и даже дни решают теперь все.

В другом письме, написанном в начале октября Петроградской партийной конференции, Ленин, настаивая на ускорении восстания, пишет:

„Надо обратиться к московским товарищам, убеждая их взять власть в Москве, об'явить правительство Керенского низложенным и Совет Раб. Депутатов в Москве об'явить Временным правительством в России.

Надо воспользоваться созываемым 8 октября в Гельсингфорсе Областным С'ездом Советов Солдатских Депутатов Северного района, чтобы все силы мобилизовать для их привлечения на сторону восстания“.

Где же тут пресловутый, Троцким надуманный, конспиративный заговор партии за спиной Советов? Есть, как мы видим, обратное: страшное толкание большевистских советов на путь восстания, не дожидаясь с'езда Советов.

Этот вопрос действительно служил предметом серьезных разногласий.

Ленин ругательски ругал Троцкого за его советские конституционные иллюзии (ожидание с'езда).

Троцкий вместе с меньшевиками в продолжение полутора десятка лет усердно ругал Ленина заговорщиком, бланкистом.

Не сказало ли у Троцкого по отношению к Ленину это стародавнее предубеждение?

Это могло бы послужить „смягчающим вину обстоятельством“, но никак не оправданием, а тем более доказательством.

Остается факт: Троцкий извратил отношение Ленина к октябрьскому восстанию, Троцкий по существу дела обвинил Ленина в бланкизме.

Но наряду с этим Троцкий еще извратил роль Ленина в Октябре.

Вы вдумайтесь в рассказ т. Троцкого о разговоре с т. Лениным 25-го октября, т. е. когда революция была уже начата. Ленин будто сказал: „Что ж, можно, пожалуй, идти и этим путем, лишь бы взять власть“. Таким образом, выходит, что Троцкий шел каким-то своим путем к Октябрю, Ленин все время упирался, хотел вести подготовку восстания в порядке конспиративного заговора. Троцкий этого не допустил, привел революцию к 25-му Октября и в этот день т. Ленин говорит: „Ну, что ж, пожалуй, вы правы, пожалуй, я могу согласиться, что это хорошо, лишь бы взять власть“.

Что это как не попытка дискредитировать тов. Ленина, попытка представить его каким-то второстепенным участником Октябрьской революции, который по ряду вопросов сперва напутал и только 25-го Октября одобрил тот путь, которым вел революцию тов. Троцкий?

Получается исключительно бесцеремонное извращение позиции тов. Ленина по отношению к Октябрьскому восстанию.

Получается удивительная бесцеремонность. В порядке воспоминаний о разговорах с тов. Лениным, происходивших без свидетелей, т. Троцкий рисует нам, вместо вождя марксистской партии, никого иного, как бланкиста. Это имеет очень серьезное значение и для нашей партии, и для Коминтерна.

Мы изучаем Ленина и ленинизм. Мы совершенно справедливо считаем, что основы всей нашей партийной работы положены тов. Лениным, что на писаниях Ленина мы должны учиться, и вдруг, вместо Ленина, которого мы знаем, Ленина—настоящего марксиста, нам преподносят нового Ленина, которого тов. Троцкий разделал по своему. А, ведь, для западных коммунистов это имеет еще большее значение. Сейчас происходит процесс обольшевичения коммунистических партий всего мира. Мы их учим, что нельзя овладеть властью, если

предварительно не завоевать большинство в рабочем классе, что это большинство рабочего класса надо организовать, что надо иметь широкую массовую революционную организацию, которая явилась бы органом восстания. А теперь к нам могут прийти молодые коммунисты, которые, поверив т. Троцкому, скажут: „Позвольте, чему вы нас учите?... Ленин в 17 году шел по совершенно иному пути; Ленин в 17 году шел путем заговора и только благодаря тому, что Троцкий в тот период оказал соответствующее давление на Центральный Комитет, выпрямил соответствующим образом линию тов. Ленина, — Октябрь пошел не тем путем, каким хотел повести его тов. Ленин“.

Что мы можем сказать такому коммунисту? Только одно: не верьте тому, что написал о Ленине Троцкий, изучайте Ленина по его сочинениям и вы убедитесь в том, что Троцкий извратил Ленина.

Тов. Троцкий против политики Коминтерна.

Статья тов. Троцкого, как я уже говорил, направлена в значительной степени в сторону Западной Европы. Статья пытается дать анализ наших ошибок в Октябре и на этой почве или попутно с этим проводится анализ и нашей международной политики в наиболее серьезные моменты, за прошедший год. Надо сказать, что и по этим вопросам тов. Троцкий возвращает нас к дискуссии о причинах неуспеха германской революции, которая имела место уже в прошлом году. Сейчас т. Троцкий снова обвиняет Коминтерн в отсутствии руководства движением германского пролетариата. Я не хочу возвращаться к этому вопросу. Я только обращаю внимание на то, что вопросы эти уже разрешены Коминтерном, что пятым конгрессом Коминтерна одобрено продвижение влево, которое после неудачного германского выступления произошло в германской коммунистической партии и что именно Коминтерн помог левому крылу спихнуть правых руководителей, которые во время революции „сдрейфили“. Я должен также указать, что, ведь, ни для кого не секрет, что именно германские правые были единомышленниками тов. Троцкого и всей нашей оппозиции, это — во-первых; а во-вторых, никто иной, как т. Троцкий, Пятаков и Радек, были одними из руководителей германской правой. Именно они всеми силами поддерживали германскую правую.

Теперь, конечно, легко задним числом делать всякие заключения, но остается факт, что в тот момент т.т. Троцкий, Радек и Пятаков поддерживали германских правых, а следовательно, они больше, чем кто бы то ни было, должны быть ответственны за те ошибки, которые германская компартия, руководимая правыми, допустила.

Само собой разумеется, что Коминтерн не может непосредственно руководить восстанием пролетариата в какой бы то ни было стране.

Это дело национальных коммунистических партий, и как бы идеально ни было руководство Коминтерна, если местная партия слаба и неспособна повести за собой большинство рабочих, Коминтерн бессилен что-либо сделать. Троцкий в своей критике Коминтерна и германской партии указывает, что не только она, но и левые были неспособны к руководству восстанием.

Но как же тогда можно обвинять в чем-либо Коминтерн!

Если, по мнению Троцкого, германская партия не имела кадров, подготовленных для сочетания руководителей ни среди правых, ни среди левых, — то что же тогда стоит критика Троцкого?

Она явно несправедлива, натаскана и лишена содержания. А вреда от такой бессодержательной критики больше, чем нужно, ибо она вызывает расслабление, неверие в свои силы, хныкание, как всякое беспочвенное критиканство.

Роль вождей в партии.

Я хочу указать вам еще на один момент, который в известной мере является общим для нашей оппозиции, о котором говорят и Преображенский, и Троцкий. Это вопрос о роли вождей партии. Оба пытаются доказать, что Ленин, как вождь, никогда не считался с Центральным Комитетом, что когда ему было нужно, он всегда шел против ЦК.

Тов. Троцкий выпячивает вопрос о том, будто бы Ленин перед Октябрем собирался обращаться к партии помимо ЦК. А тов. Преображенский в своей книге о Ленине пошел еще дальше. Подчеркивая громадный авторитет Ленина в глазах рабочих масс, Преображенский допускает такое предположение: если бы по какому-либо вопросу тов. Ленин не согласился с партией, с ЦК или даже с парт. съездом и обратился бы к рабочему классу за разрешением этого спорного вопроса,

неизвестно еще, говорит он, на чьей бы стороне оказалось большинство рабочего класса, на стороне тов. Ленина или на стороне партии. Конечно, если мы допустим такое предположение, если мы допустим, что тов. Ленин мог бы против съезда партии апеллировать к рабочему классу, то, может быть, рабочий класс и пошел бы за ним. Но надо ставить вопрос иначе. На чем Преображенский строит такого рода предположение?

Мы знаем огромный авторитет, который имел Ленин в партии и в рабочем классе, но делать такого рода предположения, что тов. Ленин мог бы обратиться помимо партии к рабочему классу, это значит перескочить через ленинское понимание партии, это значит говорить о том, чего не может быть. Спрашивается, зачем же говорить о том, чего не может быть, что не реально? Мало ли какие можно делать предположения и мало ли какие предположения делают досужие кумушки! Но, ведь, тов. Преображенский не кумушка, а ответственный руководитель оппозиции. Какие могут быть у него основания для такого гадания? Совершенно ясно, только одно. Во время дискуссии очень много говорилось о том, что тов. Троцкий, как сказал тов. Сталин на 13 партсъезде, мнит себя сверхчеловеком над ЦК, считает, что для него никакой дисциплины не существует, что он имеет право все делать, что, подписывая сегодня единогласно принятую резолюцию, он может завтра обращаться к партии помимо этой резолюции, помимо ЦК. Это был один из пунктов ошибки тов. Троцкого, о котором достаточно много говорилось во время дискуссии. И вот мы имеем попытку, аргументируя Лениным, тем особым положением, которое он занимал в партии, как всеми признанный вождь, создать прецедент для тов. Троцкого. Единственный смысл всех этих рассуждений, будто бы тов. Ленин не считался с ЦК, только в этом. По существу же все это совершенно неверно. Были случаи, когда Ленин не был согласен с ЦК, когда выносились решения против него. Если это были решения принципиальные, решения, которые нарушили большевистскую линию, тогда Ленин шел напролом, добиваться своего и всегда имел в конечном счете большинство партии. Это правильно. Но противопоставлять Ленина партии или хотя бы ее Центральному Комитету—это натяжка, натяжка искусственная. Ленин пользовался исключительным влиянием на партию и на ЦК—

но потому он и был строителем большевистской партии и основоположником ленинизма. Ленина нет и Ленина никто единолично заменить не может. Ленина может заменить только коллектив, коллектив сработавшийся и спаянный. Напрасны всякие попытки, ссылаясь на Ленина, покрывать индивидуалистские высказывания Троцкого.

З а к л ю ч е н и е .

Мы видели, что последнее литературное выступление Троцкого не является чем-то случайным, вырванным. Оно не является чем-то новым, неожиданным. Это есть лишь продолжение старой линии тов. Троцкого, которая особенно резко проявлялась в прошлом году. Мы видим, что Троцкий и после решений XIII съезда не отказался от своих ошибок и, как видно, не только он, а почти вся литературная группа оппозиционеров пытается сейчас подвести принципиальный фундамент под свою старую платформу.

Эта работа делается исподволь, постепенно, в книжечках. Не даром же тов. Преображенский обещал на 13 съезде писать толстые книги, в которых они будут доказывать правоту оппозиции. Ну вот теперь это и делается. Поскольку они это делают, поскольку они повторяют старые ошибки, причем углубляют их и прибавляют к ним новые ошибки и при этом ведут самую активную ревизию ленинизма, трудно удержать дискуссию в рамках только литературной полемики. Совершенно естественно, что партия желает знать, что означает эта литературная дискуссия, и высказывает по ней свое мнение. Мы отвечаем прямо: оппозиция начала серьезную ревизию ленинизма.

ЦЕНА 25 КОП.

СВЯТА ПИСМА

Біблія, перекладена українською мовою, 1908 рік.
Видана в Києві, у видавництва "Св. Писма", 1908 рік.

1,89 (1986)
ЦЕНА 35 КОП.✓

2857 П.А.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10—07.
Москва, Петровские линии 1. Тел. 2—24—09.

Э.КВИРИНГ

В
ЗАЩИТУ

И-ВО
ПРОЛЕТАРИЙ.